ВЛЮБЛЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ,

ИЛИ

ПРИКЛЮЧЕНІЯ

ГРАФА МОЖАНА.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

ГОСПОДИНА

МАРКИЗА Д'АРЖАНСА.

Перевелъ съ Французскаго

Н... Н...

Частъ II.

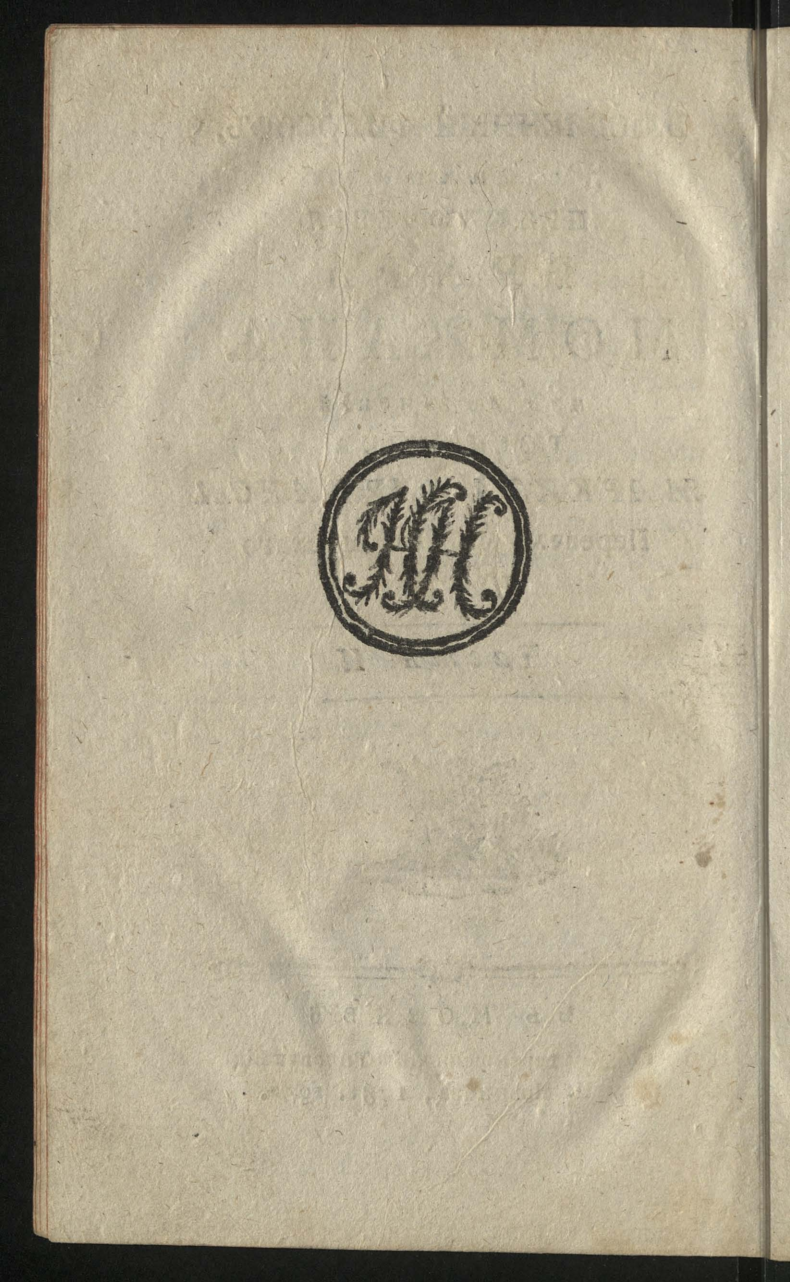

ВЪ МОСКВѢ

въ Университетской Типографіи

у Н. Новикова, 1781. года.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ФИЛОСОФЪ,
или
приключенія
ГРАФА МОМЖАНА.

Важныя размышленія Графа Момжана о нещастіяхъ, какія испыталъ его родитель, и коимъ единственною причиною было страстное его сожалѣніе, убѣдили его конечно наблюдать взятое имъ намѣреніе. Колико долженъ я, говорилъ онъ, опасаться, чтобы не впасть въ подобныя заблужденія. Какое различіе между спокойствіемъ, коимъ я наслаждаюсь, и замѣшательствами, которымъ мой отецъ столько лѣтъ былъ добычею? Забавы, какимъ я предаюсь, не имѣютъ въ себѣ ничего порочнаго: я наслаждаюсь всѣми благи-

ми, какія премудрая природа истощеваетъ людямъ добродѣтельнымъ. Лѣто доставляетъ мнѣ удовольствіе видѣть въ саду моемъ растущіе цвѣты, насажденные собственными моими руками. Осенью я собираю плоды съ деревъ, которые я очищалъ, и приводилъ въ порядокъ съ начала весны. Зимою затворясь посреди книгъ моихъ, я разсматриваю нѣсколько времени то удовольствіе, какое производитъ поле, чтобы насладиться онымъ въ различныхъ предметахъ. Я занимаю мой разумъ полезнымъ чтеніемъ; я исправляю мои нравы, и прохожу со вниманіемъ Исторію дѣлъ великихъ мужей. Ихъ добродѣтели служатъ мнѣ побужденіемъ имъ подражать; а ихъ слабости научаютъ меня искать средствъ убѣгать подобныхъ. Посреди столь спокойной жизни, какъ въ надежномъ пристанищѣ, я оплакиваю ослѣпленіе другихъ людей, коихъ вижу въ бурномъ

мо-

морѣ, игралищемъ жесточайшихъ непогодъ. Сколь же долженъ я стараться соблюсти щастіе, какимъ теперь пользуюсь и не впасть въ безпорядки тѣхъ, о коихъ участи я сожалѣю.

Графъ Момжанъ будучи совершенно увѣренъ, что не можетъ поступить лучше, какъ только слѣдуя внушеніямъ разумныхъ своихъ разсужденій, усугубилъ склонность свою къ наукамъ и къ уединенію. Два года, въ которые еще былъ живъ его родитель, онъ никогда не выѣзжалъ изъ сельскаго дому, въ которомъ они жили. Часы, которые не проводилъ съ своими книгами, употреблялъ къ слушанію полезныхъ наставленій, какія подавалъ ему его родитель. Онъ почиталъ его не только добрымъ отцомъ, но еще и другомъ и ревностнымъ учителемъ къ пользѣ своего ученика, котораго старался сдѣлать Философомъ для того только, чтобы составить изъ не-

него человѣка совершенно щастливаго. Господинъ Момжанъ заплатилъ дань природѣ, и оставилъ сына своего въ состоянiи достигнуть самимъ собою до совершенства премудрости, посредствомъ превосходныхъ наставленiй, какiя ему преподавалъ и которыя онъ сильно запечатлѣлъ въ его сердцѣ и въ его разумѣ.

Графъ Момжанъ былъ весьма чувствительно тронутъ претерпѣннымъ урономъ. Онъ совершенно зналъ, сколь много былъ обязанъ своему родителю, почему и не могъ легко утѣшиться о его смерти, и долго былъ погруженъ въ горчайщую печаль. То были первыя почувствуемыя имъ горести. Увы! говорилъ онъ, первыя огорченiя, какiя мнѣ судьба насылаетъ, суть наиболѣзненѣйшiя въ моей жизни. Тѣ, которыя испытали многiя злополучiя, менѣе меня нещастливы. Они привыкли къ жестокостямъ судьбины; но я по

сiе

сіе время испытывалъ единыя ея щедроты.

Сколь ни сильна была горесть Графа Момжана, но его разумъ и разсужденія открыли ему, что должно ограничивать свои печали, умѣть повиноваться законамъ судьбины, и быть покорну божественной волѣ: онъ мало помалу успокоевалъ духъ свой и воспріялъ прежнія свои упражненія, чтобы сдѣлать уединеніе свое нѣсколько пріятнѣе. Онъ велѣлъ украсить сельской свой домъ, въ которомъ имѣлъ жилище, старался собрать лучшую Библіотеку. Велѣлъ насадить пространныя дороги, гдѣ бы могъ наслаждаться свѣжимъ весеннимъ воздухомъ во времена лѣтнихъ зноевъ; и все самъ показывалъ опредѣленнымъ къ тому работникамъ. Онъ сдѣлалъ привычку облегчать себя отъ трудностей ученія, надсматривая или за замледѣліемъ или за другою какою ручною работою. Онъ взиралъ

ралъ на лѣность и нерадѣніе, какъ на два порока, тягостнѣйшія для добродѣтели и разума. Онъ почиталъ, что люди, естественно ко злу склонные, не должны никогда быть въ нѣкоторомъ родѣ недѣйствія, которое подаетъ ихъ разуму довольно досугу мыслить о такихъ вещахъ, при коихъ бы онъ конечно не остановился, естьли бы занятъ былъ чѣмъ ни есть полезнымъ. По справедливости, говорилъ онъ, думали Философы, что праздность была источникомъ всѣхъ пороковъ. Она влагаетъ въ разумъ такую нерадивость, которая дѣлаетъ его неспособнымъ искать добра и убѣгать зла. Самыя легчайшія упражненія дѣлаются полезными, ежели служатъ человѣку къ содержанію себя въ безумолкномъ дѣйствіи, и не даютъ ему времени предаться самому себѣ.

Графъ Момжанъ столь твердо держался сихъ правилъ, что не про-

проводилъ ни одного часа, не опредѣливъ онаго къ особому дѣлу. Онъ обыкновенно просыпался на разсвѣтѣ дня. Онъ полагалъ, что солнце кажется увѣдомляетъ насъ своимъ свѣтомъ, что время успокоенія миновалося. Онъ ходилъ въ свой кабинетъ, сколь скоро встанетъ съ постели, и упражнялся тамъ въ ученіи Философіи до десяти часовъ утра. Перьвое стараніе, говорилъ онъ, какое человѣкъ имѣть долженъ, есть пища духа. Тѣло для него составлено, для того его послѣ и довольствовать должно. Вышелъ изъ кабинета, онъ ходилъ въ садъ, поливалъ свои цвѣты, или ихъ пересаживалъ. Онъ собиралъ плоды, которымъ надлежало составить десертъ въ обѣдѣ, довольно умѣренномъ, которой онъ употреблялъ въ полдень.

Кушанье, подаваемое на столъ, обыкновенно было составлено изъ одного мяса, а не изъ разныхъ.

Онъ справедливо думалъ, что разныя пищи, какія кладутъ въ желудокъ, и которыя въ немъ киснутъ и садятся, его только растроиваютъ, и бываютъ главными причинами болѣзней, коимъ большая часть людей подвержены. Онъ взиралъ, какъ на безумнаго или на убійцу самаго себя, на такого человѣка, которой въ одинъ обѣдъ поглащалъ птицъ, рыбу, мясо, прибавлялъ ко всему тому множество травъ, напоенныхъ масломъ и уксусомъ, и чтобы совершеннѣе составить ядъ, весьма опасной отъ ссѣдшихся разныхъ ѣствъ, употребляетъ еще сахарные закуски, плоды, салады и тысячу другихъ вещей, совсѣмъ имъ противныхъ, не щитая винъ и сладкихъ напитковъ разныхъ родовъ. Когда я слышу, говорилъ онъ, человѣка хвастающаго вкуснымъ столомъ, я думаю видѣть глупца, который хвалится, что умѣетъ составлять ядъ, лишающей его жизни или сокра-

кращающей оную на нѣсколько лѣтъ. Сверьхъ вреда, продолжалъ онъ, какой получаетъ тѣло отъ излишней пищи, самой разумъ безконечно тѣмъ обезпокоивается. Великое множество паровъ, возходящихъ изъ желудка въ мозгъ, его отягощаютъ, и дѣлаютъ неспособнымъ дѣйствовать съ такою живостію, какую онъ имѣетъ отъ пищи, хотя и довольной, однако простой, и которая не имѣетъ въ себѣ ничего означающаго неумѣренность тѣхъ, кои изъ своего желудка дѣлаютъ идола, которому приносятъ въ жертву пятьдесятъ разныхъ ѣствъ въ одинъ день. Естественно нужно ее перемѣнять, потому что одна пища, завсегда употребляемая, дѣлается напослѣдокъ противна и невкусна; но надобно, чтобы сіе дѣлалось не въ одинъ и тотъ же день или по крайней мѣрѣ не въ томъ же столѣ, дабы чрезъ то вареніе желудка было свободнѣе, не обременяло

бы

бы тѣла и не вредило духъ смѣшенными и скорыми дѣйствіями.

Вотъ какое было мнѣніе Графа Момжана о употребленіи пищи! Вышедъ изъ-за стола, онъ ходилъ прогуливаться, и увеселялъ себя обозрѣніемъ обработываемыхъ земель. Онъ раздавалъ повелѣнія своимъ откупщикамъ, и учреждалъ домашнія свои надобности. Сіи упражненія занимали его до трехъ часовъ. Онъ возвращался потомъ въ свой кабинетъ, и не выходилъ изъ него до ужина, послѣ котораго проводилъ время до десяти часовъ вечера, или читая какую пріятную книгу, или играя на клависинѣ. Итакъ онъ придавалъ своему духу нѣкоторую веселость, которая облегчала его послѣ важныхъ ученій, къ какимъ прилѣжалъ онъ во весь день, и притомъ доставляла ему пріятныя сновидѣнія во время его покоя. Онъ справедливо представлялъ себѣ, что сонъ составляетъ по крайней мѣ-

мѣрѣ треть нашей жизни, и для того должно стараться употребить въ пользу сіе время, и наградить нѣкоторымъ образомъ несправедливость природы, подвергнувшей насъ необходимой надобности сна.

Пріятныя сновидѣнія, по мнѣнію Графа Момжана, были весьма важны для жизни. Положимъ, говорилъ онъ, что человѣкъ всякую ночь видитъ въ сновидѣніи, что терпитъ удивительныя мученія, что заключенъ во мрачную и ужасную темницу, что лишился своего имѣнія, что жена ему невѣрна, что его дѣти безчестныя люди; сей человѣкъ сколько бы ни былъ щастливъ во время дня, непремѣнно будетъ нещастливъ половину своей жизни. Пріятности, какія онъ почувствуетъ при своемъ пробужденіи, встревожены будутъ воображеніемъ, что сколь скоро предаться сну, паки терзаемъ будетъ несносными видѣніями.

ями. Итакъ должно стараться имѣть духъ веселой и спокойной, не только во время дня, но еще когда мы и спимъ, доставлять ему пріятныя сновидѣнія, и сугубить продолженіе нашей жизни половиною совершенно щастливою.

Главной предметъ Философіи Графа Момжана, состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка щастливымъ. Онъ смѣялся всѣмъ тѣмъ, которыя думали, что премудрость есть пустая только слава, которая не дѣлавъ, ктобъ то ни былъ, щастливымъ, занимала однихъ только глупцовъ, кои увѣряли о своемъ блаженствѣ и тогда, когда сами претерпѣвали жесточайшія мученія. Онъ взиралъ на Стоика какъ на лжеучителя, или какъ на лжеца, который утѣшеніемъ, какое бы имѣлъ жаловаться на свое состояніе, жертвуетъ суетности казаться нечувствительнымъ. Онъ напротивъ того предпочиталъ разум-

зумнаго Эпикура, который полагая щастіе свое въ спокойствіи духа и въ здравіи тѣлесномъ, старается пріобрѣсть и то и другое, и ни мало не хвастаетъ смѣшнымъ постоянствомъ. Удовольствіе духа, говорилъ Графъ Момжанъ, зависятъ гораздо болѣе отъ насъ, нежели отъ сложенія тѣла. Мы почти увѣрены, что имѣемъ великую помощь быть щастливыми, ежели станемъ разсматривать самихъ себя, и привыкнемъ противиться страстямъ нашимъ. Ибо хотя здоровье и не въ нашей состоитъ власти, и часто имѣетъ въ немъ недостатокъ, не взирая на всѣ предосторожности, и предохранительныя расположенія нашей жизни; набожество вложило въ спокойствіе нашего духа силу утѣшать насъ въ терпимыхъ нами нещастіяхъ, и помногу уменьшать огорченія, какія насъ болѣзни тѣлесныя могутъ заставить чувствовать. Притомъ из-

вѣстно, что человѣкъ слабаго здоровья, терпя жестокія болѣзни, можетъ быть только въ половину щастливъ. Итакъ, когда прямое щастіе состоитъ въ сохраненіи тѣла и въ спокойствіи духа; то не возможно довольно похвалить такую вещь, которая доставляетъ намъ сіи пользы, и отвращаетъ все то, что насъ оныхъ лишаетъ.

По симъ то правиламъ, думалъ Графъ Момжанъ, что учреждаетъ свое поведеніе, и болѣе трехъ лѣтъ послѣ смерти своего родителя, никогда ничего не отмѣнялъ, ни въ порядкѣ своей жизни, ни въ образѣ своихъ мыслей. Онъ думалъ продолжить ихъ навсегда, и ни какъ не помышлялъ, что былъ при самомъ потеряніи своей свободы, которую столь уважалъ, какъ вдругъ познавъ неизвѣстныя ему до того чувствованія; и любовь, которая никогда не терпетъ своихъ правъ, чтобы доказать тѣмъ болѣе свое владыче-

чество, покорила его законамъ младой поселянки. Маріаннѣ. Дочь его откупщика была та, которая сдѣлала безполезными всѣ Философскія его разсужденія, и не желая ни мало, произвела то, въ чемъ прекраснѣйшія женщины въ свѣтѣ едва бы успѣть могли. Она была пригожа и стройна. Скромный видъ придавалъ къ сельскимъ ея движеніямъ почти пріятное и природное. Она казалась чрезмѣрно стыдлива, и сколь скоро кто ни есть устремлялъ на нее свои взоры, тотчасъ пріятной румянецъ покрывалъ лице ея. Она всякой день приходила помогать Графу Можману разводить цвѣты въ его саду. Какъ онъ ни былъ Философъ и непріятель прекрасному полу, совсѣмъ тѣмъ не могъ воздержаться, разсматривать скромной видъ Маріанны. Онъ дивился, какимъ образомъ въ дѣвицѣ, столь мало воспитанной, находилъ такой разумъ и кротость. Онъ лю-

любопытствовалъ знать, соотвѣтствуетъ ли разумъ Маріанны наружнымъ добродѣтелямъ, какія въ ней были видны. Сіе любопытство было ему бѣдственно, и нанесло первой ударъ его сердцу. На первые вопросы, сдѣланные имъ прекрасной поселянкѣ, она отвѣчала ему съ смущеннымъ видомъ, и ея скромность сокрывала часть остроты ея. Но какое было удивленіе Графа, какъ Маріанна пришедъ мало помалу въ себя, отвѣтствовала на слова его съ большею вольностію, и онъ примѣтилъ, что сія молодая поселянка имѣла разумъ живой, тонкой и основательной, и что простая природа въ ней одной произвела болѣе, нежели воспитаніе во многихъ другихъ. Онъ находилъ въ разсужденіяхъ Маріанны нѣчто истиннѣйшее и болѣе трогающее, нежели все то, что слышалъ онъ отъ своего родителя о прелестяхъ и пріятностяхъ прочихъ женщинъ.

Не достойно ли сожаленія, говаривалъ онъ часто, чтобъ въ столько видимой добродѣтели есть не что иное, какъ безпрестанное притворство и хитрая сѣть для привлеченія людей въ величайшія заблужденія? Вотъ тотъ ложной видъ и обманчивая наружность, о которыхъ мнѣ мой родитель часто говаривалъ! Онъ довольно имѣлъ причины уподоблять женщинъ прельщающимъ Сиренамъ, коихъ коварные разговоры обольщаютъ всѣхъ, кто не знаетъ ихъ разительнаго яда.

Всѣ разсужденія Графа Момжана не воспрепятствовали ни мало, чтобы любовь не вкралась въ его сердце. Онъ уже былъ весьма тронутъ прелестями Маріанны. Онъ не разумѣлъ еще состоянія, въ какомъ находился, и не умѣлъ проникнуть собственныхъ своихъ чувствъ. Но совсѣмъ не менѣе терялъ свою вольность. То, что онъ почиталъ простымъ

любопытствомЪ, было дѣйствіе такой страсти, которая начинала вкореняться, и когда онЪ изыскивалЪ познавать дарованія, какія простая природа произвела вЪ Маріаннѣ, то конечнобы пришелЪ вЪ отчаяніе, естьли бы нашелЪ, что она имѣетЪ менѣе остроты и разума, нежели показываетЪ. Я могу, говорилЪ онЪ иногда, вкушать удовольствіе отЪ обхожденія сей дѣвицы, и сердце мое не можетЪ опасаться ни какихЪ изЪ того слѣдствій. СверьхЪ того, какое сходство, и какое равенство можетЪ быть между мною и дочерью моего откупщика, чтобы обращеніе наше могло быть вредно для моего покою? Я долженЪ бы былЪ бояться слѣдствій такого сообщества, которое бы могло навлечь по себѣ заблужденія, возмущающія щастіе моей жизни. Я буду очень смѣшонЪ, естьли вздумаю простирать мои сомнѣнія до такого пункта, что не осмѣ-

люсь

люсь разговаривать съ младою поселянкою, коей живые и не принужденные отвѣты меня увеселяютъ, и облегчаютъ отъ важныхъ ученій.

Графъ Момжанъ рассуждалъ, какъ человѣкъ, не знавшій никогда любви до тѣхъ поръ. Онъ не зналъ, что сей Богъ вравниваетъ всѣ состоянія, и что острѣйшія свои стрѣлы, кои употребляетъ, беретъ обыкновенно изъ глазъ людей наиотдаленѣйшихъ отъ состоянія тѣхъ, кого онъ поражаетъ. Величайшія люди имѣли страсти совсѣмъ не соразмѣрныя своей природѣ; и во дняхъ нашихъ, мы видѣли тому примѣръ въ двухъ сильнѣйшихъ Государяхъ въ Европѣ, у коихъ красота, и весьма обыкновенная, возъимѣла совсѣмъ необычайные успѣхи.

Малое искусство, какое Графъ Момжанъ имѣлъ въ любви, препятствовало ему еще нѣсколько времени почувствовать свою рану.

 Онъ

Онъ приписывалъ всегда простому любопытству всѣ поступки, какія любовь имѣть его заставляла. Естьли взиралъ на Маріанну съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, до тѣхъ поръ ему не извѣстнымъ; то онъ называлъ сіе удовольствіе желаніемъ разсматривать движенія, какія чувствуетъ молодая дѣвица. Естьли проводилъ цѣлые часы, разговаривая съ нею, сей разговоръ былъ также приписанъ Философіи: онъ былъ очень доволенъ, видя, что до какой степени разумъ, лишенной помощи наукъ и чтенія, можетъ возвыситься. Итакъ Графъ Момжанъ не зная о томъ ни мало, былъ весьма искусенъ обманывать самого себя; и наипросвѣщеннѣйшій любовникъ не нашелъ бы столь хорошихъ извиненій ко оправданію своей страсти, какія выдумывалъ Графъ, чтобы показать невинною ту склонность, которую имѣлъ видѣвшись всегда съ Маріанною. Между тѣмъ любовь прі-

об-

обрѣтала всякой день новые успѣхи въ его сердцѣ. Будучи удаленъ отъ прекрасной поселянки, онъ чувствовалъ безпокойство, которое заставляло его имѣть нѣкоторыя размышленія, кои въ послѣдствіи подавали ему подозрѣнія о состояніи, въ какомъ онъ находился.

Отъ чего сіе произходитъ, говорилъ онъ иногда, что я нахожу въ моемъ ученіи менѣе удовольствія, нежели я имѣлъ, непочувствовавъ вкусу разговаривать съ Маріанною? Не уже ли ея разговоры имѣютъ въ себѣ болѣе истинны, нежели лучшіе писатели? или лучше не чувствую ли я пріятнымъ все, что отъ нее ни слышу? Не уже ли я приписывалъ простому любопытству то, что заставляла меня дѣлать сія склонность? Нѣтъ, я тому не повѣрю. И естьли бы то такъ было, я конечно былъ бы близко моего паденія въ такія сѣти, какихъ я

всегда убѣгать старался. Любовь обыкновенно ходитъ не подалеку отъ той склонности, которая влечетъ насъ къ любезному предмету. Мой родитель сто разъ меня увѣрялъ, что сія бѣдственная страсть непримѣтно вкрадывается въ сердца. И чтожъ! будучи по сіе время спокоенъ, неужели небо сохраняло меня для горести потерять мою свободу, и потерять оную для глазъ простой поселянки? Я чувствую движенія, которыя мнѣ до сего времени были не извѣстны. Нѣкоторое смущеніе, причину котораго я не могу проникнуть, простирается во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ. Когда я вижу Маріанну, оно изчезаетъ, и я чувствую, что нѣкоторая сокровеная радость, противъ моей воли, объемлетъ мое сердце. Ахъ! я безъ сомнѣнія менѣе къ ней не чувствителенъ, нежели я думалъ. И можетъ быть, я уже весьма поздно познаю ошиб.

ку, какую я сдѣлалъ, предавшись удовольствiю ее видѣть. Должно, когда есть еще время, предупредить угрожающiя мнѣ напасти. И хотя я уже чувствую, что то мнѣ дорого будетъ стоять, но я не хочу болѣе видѣть Марiанны, и удалю ее отъ мѣстъ сихъ. Она въ такихъ лѣтахъ, что можетъ итти замужъ. Надобно мнѣ уговорить ея отца, чтобы онъ ее выдалъ. Я охотно дамъ всю сумму, потребную на ея приданое, и чего бы мнѣ то ни стоило, я еще буду весьма щастливъ, что могу ее удалить отъ себя.

Лишь только Графъ Можанъ принялъ сiе намѣренiе, какъ нечаянной случай привелъ къ нему Марiанну. Она пришла помогать ему поливать цвѣты. Вотъ, сказалъ онъ, та волшебница, очарованiя которой я страшуся. Увы! продолжалъ онъ, кому не полюбится сей скромной и искренной видъ?. Ей не извѣстны смятѣнiя, какiя

она мнѣ причиняетъ. Поступить такъ, естьли возможно, чтобы она никогда о томъ не знала?

Подойди ко мнѣ Маріанна сказалъ Графъ Момжанъ. Я хочу тебѣ открыть тайну, и требовать твоего совѣта. Надобно имѣть весьма хорошее мнѣніе о молодомъ человѣкѣ, отвѣчала она, чтобы почесть его способнымъ, не только хранить тайну, но еще довольно разумнымъ, чтобы совѣтовать столь просвѣщенному человѣку, какъ вы? Боже мой! примолвилъ Графъ съ нѣкоторымъ движеніемъ, тѣ, которыя кажутся весьма разумными, не всегда бываютъ таковы, какъ другіе; но оставимъ это, и станемъ говорить о другомъ. Я имѣю желаніе отдать тебя замужъ: вотъ тайна! А совѣтъ тотъ, чтобы ты мнѣ сказала, за кого долженъ я уговаривать твоего отца, чтобы тебя выдалъ? Ты удивилась, Маріанна, продолжалъ Графъ; развѣ

въ

въ словахъ моихъ ты находишь нѣчто такое, что тебя трогаетъ? Говори, я буду въ отчаянiи, естьли тебя огорчу, и предлагая тебѣ о замужствѣ, я никакъ не думалъ тебя востревожить. Я не могу быть не чувствительна къ вашимъ милостямъ, отвѣчала Марiанна; но я васъ прошу не говорить ни чего съ моимъ отцомъ о моемъ замужствѣ. Я приду просить вашего покровительства, естьли онъ меня къ тому принуждать станетъ. Упрямство ли, справедливая ли причина? но я не хочу итти замужъ, и поставляю за величайшее щастiе въ моей жизни, что мои домашнiя по сiе время не имѣютъ желанiя меня выдать.

Графъ Момжанъ, удивляясь всему слышанному отъ Марiанны, хотѣлъ знать тоту причину. Но для чего же спросилъ онъ ее, убѣгаешь ты того, что молодые люди съ охотою ищутъ? Вышедъ замужъ, ты будешь госпожа сама

себѣ, и не будешь болѣе зависѣть отъ твоихъ домашнихъ. Ты можешь избрать достойнаго себѣ мужа по твоей природѣ, и я прибавлю нѣсколько къ твоему приданому. Я знаю, сказала Маріанна, всѣ выгоды, какія могу имѣть отъ пристойнаго замужства; но они не могутъ быть въ равновѣсіи съ отвращеніемъ и неудовольствіемъ, какія я нахожу въ томъ съ другой стороны. И сколько пользы вы въ томъ ни предвидите, я могу клясться вамъ, что почту себя весьма нещастливою. Я ничего не разумѣю изъ твоихъ словъ, примолвилъ Графъ Момжанъ; скажи мнѣ яснѣе, и научи меня, какихъ отвращеній и неудовольствій ты столько страшишся? Ты можешь на меня во всѣмъ положиться. Естьли я не въ силахъ буду излѣчить тебя отъ твоихъ страховъ, я предамъ все сіе вѣчному молчанію.

Весь-

Весьма бы худо соотвѣтствовала я вашимъ милостямъ, сказала Маріанна, естьли бы не осмѣлилась открыть вамъ моей тайны. Итакъ, я начну прежде тѣмъ, что вы находите чрезвычайнымъ въ моемъ разположеніи. Но думайте, что вамъ угодно: движеніе, которое во мнѣ сильнѣе всего дѣйствуетъ, меня отъ того удерживаетъ. И хотя я и понимаю, что поступаю весьма смѣшно, когда родившись откупщиковою дочерью, презираю земледѣльца; но я чувствую, что не могу рѣшиться быть его женою. Все, что вы говорите сказалъ Графъ, мнѣ кажется необычайно. Я въ томъ согласна, продолжала Маріанна; но понеже я вамъ признаюсь въ моемъ упрямствѣ, выслушайте сколь далеко оно простирается: я не соглашусь выйти замужъ ниже за мѣщанина!... Изрядно! какое же, спросилъ Графъ, ваше намѣреніе? Никакое, отвѣчала Маріанна. Я оста-

останусь всегда дѣвицею; и когда будучи замужемъ, я должна быть покорна моему мужу, то я гораздо охотнѣе соглашусь быть дѣвицею, и повиноваться одному моему отцу, отъ котораго небо и природа мнѣ зависѣть повелѣваютъ.

Столь отличныя чувствованія, несказанно удивляли Графа Момжана, и онъ не зналъ, чему оныя приписать. Разсуждая нѣсколько времени о упрямствѣ младой поселянки, и не думая, что бы оное происходило отъ оказываемой ею гордости, которую почиталъ за притворную, заключалъ, что любовь имѣла участіе въ ея отказѣ, и что для того отвергала она предлагаемое ей замужство, что имѣя съ кѣмъ ни есть сердечное обязательство, не хотѣла никакъ оставить своего любовника. Сія мысль его опечалила. Онъ почувствовалъ нѣкоторую внутренную досаду; и безпо-

покойство, какое причиняло ему сіе воображеніе, начинало открывать ему ясно, что онъ потерялъ ту свободу, лишенія которой столько страшился. Онъ не смѣлъ изъясниться въ своихъ сомнѣніяхъ, и сколь ни великое имѣлъ желаніе узнать, занято ли было сердце Маріанны? но лучше хотѣлъ остаться въ сей безъизвѣстности, нежели открыть такую вещь, познаніе которой могло бы быть для него столь чувствительно. Когда ты столько страшишся быть замужемъ, сказалъ онъ ей, то я не хочу болѣе говорить о томъ съ отцомъ твоимъ; и ты видишь, что я поступилъ очень хорошо, предъувѣдомивъ тебя о моемъ намѣреніи. Безъ чего, желая тебѣ услужить, я конечно бы тебя огорчилъ. Божусь тебѣ, Маріанна! я охотно готовъ тебѣ оказать всѣ услуги, какія только отъ меня зависѣть будутъ.... Умѣрьте ваши ко мнѣ милости, отвѣчала

она

она, стремленіе которыхъ меня смущаетъ. Я вижу съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ, что не могу возблагодарить васъ по достоинству, и не имѣю ни чего, кромѣ моей чувствительности. Но много ли значутъ искренния желанія простой поселянки?

Разговоры Маріанны, вліяли тончайшій ядъ въ сердцѣ молодому Графу. Онъ не могъ болѣе обладать самъ собою. Онъ опасался открыть то, что таилъ съ толикимъ стараніемъ. Онъ разсудилъ, что лучше поступитъ, буде окончитъ такой разговоръ, которой можетъ его завести ещѐ далѣе. Я доволенъ, примолвилъ онъ усердіемъ, какое ты мнѣ оказываешь; и могу тебя увѣрить, что беру много участія въ твоей чувствительности. Да, повторилъ онъ нѣсколько съ страстнымъ видомъ, я беру много участія, и за то благодарю тебя, сколько возможно; но вотъ наступилъ часъ

мнѣ

мнѣ итти въ мой кабинетъ! прощай, естьли перемѣнишь свои намѣренія, то увѣдомь меня о томъ.

Сколь скоро Графъ Момжанъ остался одинъ; то мысленно разсматривалъ весь разговоръ, какой имѣлъ съ Маріанной. Какая судьба меня гонитъ, говорилъ онъ? Должно ли мнѣ быть столько нещастливу? Нѣтъ ни одной почти дѣвицы, которая бы не хотѣла итти за мужъ. Маріанна можетъ быть одна на то не согласна: и то для чего? для того, что мое спокойствіе казалось зависѣть отъ ея замужства. Ибо, наконецъ напрасно бы я льстился, и искалъ себя обманывать. Я ее люблю и чувствую, что съ великимъ принужденіемъ воздерживаюсь отъ удовольствія ей въ томъ открыться. Великій Боже! во что превратилась та свобода, которою я столько хвалился?... Два уже тому мѣсяца, какъ я ее утратилъ. И я самъ способствовалъ ко усу-

губленію моей страсти, желая отъ оной защититься. Бѣдственная любовь! что я тебѣ сдѣлалъ, что ты пришла возмутить меня въ моемъ уединеніи? Увы! куда дѣвались наставленія моего отца, и къ чему послужило мнѣ убѣгать людей, и жить въ сельскомъ домѣ? Я охранилъ себя отъ цепей знатныхъ госпожъ, и впалъ теперь въ оковы простой поселянки. Итакъ, мнѣ должно себя принудить, и удалить отъ меня опасную сію Маріанну. Но какъ я къ тому приступлю? сколь несносно бы для меня было видѣть ее въ сбъятіяхъ другаго, естьлибъ я будучи гонимъ моею судьбою, которая меня преслѣдуетъ противъ всей вѣроятности, поспѣшилъ симъ ея замужствомъ. Но нынѣ она отъ того отказалась; осталось мнѣ одно средство воспретить ей приходить туда, гдѣ я бываю. Но что подумаетъ она о такомъ повелѣніи, и чему припишетъ отвращеніе, какое тѣмъ къ ней окажу?

жу? Въ воздаяніе за чувствительность ко мнимымъ моимъ ей благодѣяніямъ, я ей скажу: поди отселѣ; я тебя изгоняю изъ мѣстъ сихъ, какъ человѣка, которой мнѣ въ тягость, и котораго я ненавижу! я чувствую, что уста мои никогда не возмогутъ произнести такое повелѣніе, которое ее чрезмѣрно опечалитъ. Я знаю ея нѣжность. Хотя она и низкаго произхожденія, но имѣетъ гордость высокихъ душъ. Она падетъ можетъ быть отъ печали, какую причинитъ ей такая обида. Сверьхъ того удаливъ ее отъ себя, она меня возненавидитъ, а я не хочу быть ей ненавистенъ. Мое спокойствіе требуетъ, чтобъ я не любилъ Маріанны; но она не требуетъ, чтобы я заслуживалъ ея ненависть. И чтожъ! не уже ли я вовсе не смысленъ? что мнѣ нужды, что любитъ или ненавидитъ меня простая поселянка? Положимъ, противу всей вѣроятности, что

Маріана чувствуетъ ко мнѣ склонность, но къ чему мнѣ то служитъ чтобы сдѣлать удаленіе ея чувствительнѣе? Однако пускай сіе тѣмъ и кончится: мнѣ осталось еще довольно причины думать о другомъ. Итакъ, какимъ бы то ни было образомъ, мнѣ должно стараться удалить ее отъ мѣстъ сихъ. Мнѣ еще осталось одно средство. Я всегда подозрѣвалъ, что она для того не соглашается итти за мужъ, что имѣетъ любовника. Чего бы то ни стоило моему сердцу, и сколь ни несносенъ будетъ мнѣ разговоръ съ нею о такой матеріи, я хочу извѣдать сію тайну; и естьли то правда, что она любитъ, то доставлю человѣка, ей понравившаго, котораго конечно она изберетъ своимъ супругомъ. Какая плачевная для меня должность, искать доставить щастіе моему совмѣстнику! совсемъ тѣмъ разумъ мнѣ то повелѣваетъ; и я не

не могу довольно скоро удалить Маріанну. Можетъ быть, естьли промедлю еще нѣсколько дней, я не буду болѣе властенъ сдѣлать себѣ подобное принужденіе.

Графъ Момжанъ провелъ остатокъ дня въ своихъ размышленіяхъ. Назавтре онъ пошелъ по своему обыкновенію въ садъ. Лишь только туда вошелъ, Маріанна пришла по обычаю ему помогать. Она совершенно знала все, что принадлежало къ ея работѣ, и Графъ не имѣлъ нужды употреблять къ тому другаго служителя. Ну что же! сказалъ онъ ей, перемѣнила ли ты прошедшей ночи свое намѣреніе, и откажешся ли принять себѣ супруга отъ руки моей? Вы знаете, сударь! отвѣчала Маріанна, то, что я имѣла честь говорить съ вами вчаратній день; и столь твердыя имѣю намѣренія, что не отмѣню ихъ такъ скоро. Однако я знаю одно средство, повторилъ Графъ, заставить тебя

легко оныя перемѣнить, и я увѣренъ, что ты согласишся вытти, естьли обѣщаю тебѣ такого человѣка, къ которому ты имѣешь нѣкоторую склонность, сдѣлать твоимъ супругомъ. Открой мнѣ чистосердечно тайну твоего сердца. Сколько ни станешь ты притворяться, я уже знаю, какъ поступать должно. И я не сомнѣваюсь, чтобы твоему отказу не была причиною, какая ни есть сокровенная *страсть*.

Сей разговоръ заставилъ покраснѣть Маріанну. Она не старалась открыть Графу все, что происходило въ ней самой; важныя причины ей въ томъ препятствовали. Вы обманываетесь, отвѣчала она, буде приписываете любви моей нечувствительность къ мущинамъ, и мое отвращеніе къ замужству. Я вамъ искренно призналась въ моихъ препятствіяхъ, и вамъ клянусь, что мое сердце въ такомъ состояніи, которое позво-

зволяетъ мнѣ наслаждаться блаженствомъ, какое я постараюсь сохранить во всю мою жизнь.

Графъ Можанъ чувствовалъ тайную радость, услышавъ, что Маріанна не имѣла еще ни къ кому склонности. Сладость узнать, что не имѣетъ совмѣстника, умножала любовь его. Онъ устрѣмилъ глаза свои на Маріанну, которая отъ стыдливости не смѣла возвесть на него своихъ собственныхъ. Любовь назначала Графу сію минуту къ конечному его паденію. Онъ видѣлъ, что его пораженіе совершится, естьли продолжитъ свой разговоръ съ Маріанною. Но вся его философія ни къ чему ему не служила; и не взирая на взятыя имъ мѣры, стремленіе выше его силъ, его привлекало. Когда я подозрѣвалъ тебя въ любви, говорилъ онъ ей, я не намѣренъ былъ тебя тѣмъ обидить. Я нахожу тебя нечувствительною потому, что ты

меня въ томъ увѣряешь; но естьли бы твое сердце и было тронуто, то и тогда я почиталъ бы тебя не меньше. Есть страсти, которымъ мы тщетно противимся; ихъ не возможно никакъ преодолѣть. Наипроницательнѣйшее предвидѣніе, наиострѣйшая прозорливость, и строжайшее вниманіе, не всегда могутъ охранить отъ стрѣлъ любовныхъ, и кто знаетъ, что я самъ, я которой теперь говорю съ тобою, не въ такомъ же ли нахожусь состояніи, въ которомъ теряю мою свободу?... Вы сударь!... Примолвила Маріанна изъявивъ крайнее удивленіе, вы будучи столь разумны и строги, могли предаться любви! говорятъ, что она наиужаснѣйшая изъ всѣхъ золъ, и наинеизлѣчимѣйшая изъ всѣхъ дурачествъ. Но чтобы ты сказала, говорилъ Графъ вздохнувши, естьли бы я самъ былъ влюбленъ страстнѣйшимъ образомъ, и естьли

ли бы ты узнала, что ты самая, которую я люблю смертельно? Я сказала бы, отвѣчала Маріанна закраснѣвшись чрезвычайно, что ваша страсть, будетъ нещастіемъ для васъ и для меня; потому что неравенство, какое находится между обоими нами, составитъ вѣчное препятствіе нашему щастью. Боже мой! сказалъ Графъ, нѣтъ такого препятствія, котораго бы истинная любовь не преодолѣла. И по чему ты знаешь, что я въ состояніи сдѣлать, естьли найду чувствительное сердце? Но не стараясь изобрѣтать тщетныя околичности, скажи мнѣ откровенно, какая бы была моя участь, естьли бы я любилъ тебя стократно болѣе самаго себя?

Когда вы хотите, говорила Маріанна, чтобы я отвѣчала на вообраеніе столь не основательное; то я употреблю къ тому другое, столько же удаленное отъ вѣроятности. Я думаю, что есть-

ли бы кто отдавалъ мнѣ такое сердце, каково ваше, то конечно я не моглабы подумать отъ онаго отказаться? Естьли то такъ, примолвилъ Графъ Момжанъ съ страстнымъ видомъ, прими же сіе сердце, которое я тебѣ вручаю; и которое сохраню для тебя вѣчно. Такъ, прелестная Маріанна! я не могу болѣе противиться влекущему меня къ тебѣ стремленію. Тщетно боролся я съ онымъ столько времени. Я хотѣлъ удалить тебя отъ мѣстъ, въ коихъ я обитаю. Я приневоливалъ тебя итти за мужъ. Я хотѣлъ ощастливить совмѣстника, котораго я имѣть чаялъ. Но когда дивными дѣйствіями судьбины, предпріятія мои не имѣли удачи, и что щастіе кажется согласилось любовію, чтобы покорить меня твоимъ законамъ, то позволь клясться мнѣ вѣчною къ тебѣ страстью! я приношу тебѣ, прекрасная Маріанна! мое сердце и мою руку.

Ка-

Какое различіе природа между нами ни положила, твои добродѣтели насъ сравниваютъ, и дѣлаютъ тебя достойною щастія гораздо блистательнѣйшаго, нежели то, какое я тебѣ предлагаю. Ты ничего не отвѣчаешь, продолжалъ Графъ Момжанъ. Не уже ли я столько буду не щастливъ, что за наинѣжнѣйшую страсть, воздашь мнѣ наижесточайшею нечувствительностію?

Ваши слова, повторяла Маріанна, приводятъ меня въ такое недоумѣніе, что молчаніе мое не должно васъ удивлять ни мало. Какъ хотите вы, чтобы вамъ отвѣчала? все что я слышу кажется мнѣ привидѣніемъ? Но наконецъ изумленіе мое начинаетъ изчезать, и возвращаетъ мнѣ употребленіе моихъ чувствъ. О чемъ вы думаете, желая соединиться съ простою поселянкою, которая можетъ быть не имѣетъ другой заслуги, какъ только ту, что доволь-

вольно знаетъ, сколь мало она достойна вашихъ приношеній? Я васъ почитаю болѣе, нежели хочу польстить себя такой слабостью, которую вы должны стараться преодолѣть. Увы! естьлибы возможно было, чтобы ваши старанія могли мнѣ понравиться, мы бы конечно были тѣмъ болѣе нещастны. Но чѣмъ же, прекрасная Маріанна! любовь моя сдѣлаетъ насъ нещастными? Не властенъ ли я самъ въ себѣ? Не могу ли я разполагать моею рукою по своей волѣ? Въ состояніи, въ какомъ находится теперь мое сердце, я опасаюсь единой твоей ненависти. Всѣ прочія препятствія уже преодолѣны. Молви единое слово, и мы будемъ совершенно щастливы. Но я вижу, что ты боишся получить нѣчто отъ любви моей. ты меня ненавидишь болѣе нежели я тебя люблю. Ахъ! безъ сомнѣнія подозрѣнія мои были основательны, сердце твое не свободно;

но; и я умру отъ горести, естьли увижу щастливаго совмѣстника, имѣя слабость тебѣ открыться.

Чувствованія Графа Момжана были столь страстны, что поколѣбали упрямство Маріанны. Она была не спокойнѣе своего любовника, и уже издавна старалась сокрывать отъ самой себя тайныя свои движенія. Но наконецъ противъ воли прервала молчаніе, и не могла снести, чтобы Графъ обвинялъ ее какимъ либо совмѣстникомъ. Я открою вамъ, говорила она, мои чувствованія. Изъ того вы разсудите, столько вы не несправедливы въ своихъ мысляхъ. Шесть мѣсяцовъ тому, какъ я чувствую въ моемъ сердцѣ неизвѣстное пламя. Севоднишной вашъ разговоръ причинилъ мнѣ такое замѣшательство, изъ котораго я не могла вытти. Когда васъ нѣтъ со мною, вашъ образъ, противъ моей воли, представляется поминутно моимъ мыслямъ.

Сіе воображеніе, дѣлаетъ меня въ одну минуту смущенною и задумчивою. Иногда я желаю быть рожденною, гораздо превыше состоянія, въ какое меня щастіе назначило. Естьли вы сіе называете ненавистію, то я васъ ненавижу, не знавъ о томъ ни мало, и я болѣе опасалась, чтобы мои чувствованія не устремились съ другой стороны.

Столь ласкательное признаніе, котораго Графъ Момжанъ не ожидалъ ни мало, премѣнило печальное его состояніе въ наирадостнѣйшее; и лишь только хотѣлъ онъ изъяснить Маріаннѣ свою чувствительность наистрастнѣйшими словами, и клясться ей въ другой разъ вѣчною любовью, какъ отецъ сей младой поселянки вошелъ къ нимъ въ садъ. Я пришелъ, говорилъ онъ, объявить вамъ такую новость, которая васъ удивитъ, и вы можетъ быть, сударь, подосадуете, что скры-

валъ

валъ отъ васъ такую вещь, которую мнѣ ввѣрили. Но я надѣюсь, что вы меня простите, когда узнаете, какимъ образомъ все то случилось,

Вотъ, Господинъ Петръ, отвѣчалъ Графъ Момжанъ, такой разговоръ, котораго я нимало не понимаю; и естьли ты не изъяснишся мнѣ обстоятельно, то я не надѣюсь отгадать то, въ чемъ ты у меня прощенья просишь. Я скажу вамъ, продолжалъ откупщикъ однимъ словомъ про все дѣло, то есть, что я Маріаннѣ не отецъ, и что ея мать будучи знатная госпожа, теперь дѣйствительно въ нашей мызѣ. Она пріѣхала искать свою дочь, которую мнѣ поручили, когда она родилась съ такимъ условіемъ что бы я назвалъ ее своею, и возвратилъ, когда ее отъ меня обратно спросятъ. Мнѣ дали пятьдесятъ люйдоровъ, чтобы купить для нее все, что будетъ надобно, и обѣщали

щали мнѣ платить по пятнатцати на каждой годъ, что я и получалъ всегда безъ замѣшательства. Такимъ образомъ вы видите, что находя въ семъ дѣлѣ мою прибыль, я имѣлъ причину не говорить о томъ ничего, и конечно бы не сказалъ и теперь, естьли бы не надлежало возвратить Маріанну.

Удивленіе Графа Момжана было гораздо менѣе того, какимъ объята была дражайшая его любовница, которая сдѣлалась потомъ достойною вниманія любовника, коего она столько любила. Отведите меня скорѣе, говорила она, къ той госпожѣ, которую вы называете моею матерью. Нѣтъ, отвѣчалъ Графъ, я самъ хочу тебя ей представить и упрошу ее, чтобы взяла пристойную комнату въ моемъ домѣ, для своего отъ пути отдохновенія. Маріанна охотно согласилась на предложеніе своего любовника, и пошла съ нимъ

къ откупщику, которой предъупредя ихъ, увѣдомилъ пріѣзжую госпожу, что его помѣщикъ самъ идетъ вручить ей ея дочь. Она вышла къ нимъ на встрѣчу, и лишь только приближилась къ Маріаннѣ, бросилась въ ея объятія, оросила лице ея радостными слезами, и нѣсколько минутъ не въ силахъ была произнесть ни одного слова. Маріанна обнимая ее, говорила трепещущимъ и слабымъ голосомъ: Возможно ли, сударыня! чтобы судьба опредѣлила мнѣ родиться отъ столь почтенной госпожи какъ вы? Судите о состояніи, въ какомъ я теперь, по чрезмѣрности моего щастія. Отпустите мнѣ, что моя любовь не внушаетъ мнѣ довольно сильныхъ словъ, ко изъясненію вамъ всего, что я чувствую. О дражайшая мать! колико щастливъ для меня день сей! Но я страшусь, не сонное ли привидѣніе меня обманываетъ? и чѣмъ болѣе я васъ разсматриваю,

тѣмъ менѣе могу себѣ повѣрить, что я дочь ваша. Да, ты та самая, отвѣчала Маркиза де Бризакъ, и я зрю съ неизреченною радостію, что не взирая на твое воспитаніе, я нахожу въ тебѣ чувствованія, достойныя твоей природы.

Послѣ первыхъ восторговъ, какія дружба произвела въ Маріаннѣ и въ ея матери, Графъ Момжанъ просилъ обѣихъ ихъ въ домъ свой, и Маркиза де Бризакъ утрудившись отъ пути, исполнила его прозьбу. Чрезъ нѣсколько времени послѣ прибытія ея въ замокъ, Графъ далъ имъ столъ, въ которомъ хотя и не было ничего излишняго, но все было изготовлено въ совершенномъ порядкѣ. Въ продолженіи стола, всѣ разговоры касались единственно до щастія, какое имѣла Маріанна, узнавъ свою родительницу, и о радости, въ какой утопала Маркиза, увидѣвъ, что единая

ная сила крови довольна была влiять въ ея дочь всѣ чувствованiя, приличныя состоянiю, въ какое она вступила. Графъ Момжанъ съ своей стороны, столько понравился Маркизѣ, что она возъимѣла къ нему совершенную дружбу и почтенiе, Послѣ стола, она любопытствовала видѣть его домъ и его сады. Она была обворожена его жилищемъ, и похваляя чрезмѣрно родъ избранной имъ жизни, я была бы гораздо щастливѣе, говорила она, естьли бы Маркизъ де Бризакъ мой супругъ имѣлъ такiя же мнѣнiя, и что будучи доволенъ жизнiю въ сельскомъ домѣ съ страстно любящею его супругою, не полагалъ бы суетнаго честолюбiя въ снисканiи знатныхъ чиновъ, до коихъ онъ никогда не могъ достигнуть. Нетерпѣливость прiобрѣсть оные, принудила насъ жить долгое время въ разлученiи другъ отъ друга, и была причиною воспитанiя столь мало при-

 стой-

стойнаго нашей дочери. Я весьма бы дурно отвѣчала на ваши учтивости, продолжала Маркиза, естьли бы оставила васъ въ невѣденіи о началѣ нещастія Маріанны, послѣ сдѣланныхъ отъ васъ ей благодѣяній, и за снисхожденіе, какое вы не знавъ ея состоянія, ей оказать изволили. Случай, о коихъ я вамъ раскажу, утвердитъ васъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, въ какихъ вы теперь, и докажу вамъ очевидно, *сколько уединенная жизнь* менѣе бываетъ подвержена непостоянству щастія, и болѣе исполнена спокойствія, нежели то пышное состояніе, за какимъ большая часть людей гоняется, и которое имѣетъ только тотъ ложной блескъ, какой наималѣйшее нещастіе всеконечно помрачаетъ.

Исто-

Исторія
МАРКИЗА ДЕ БРИЗАКЪ
И
ДѢВИЦЫ СЕНЬ-КАНТЕНЬ.

Я родилась въ Парижѣ, хотя наша фамилія произходитъ изъ Британіи, гдѣ и находилась непремѣнно до того времени, когда мой отецъ будучи много лѣтъ въ службѣ, пріѣхахъ жить въ сей городъ, дабы тѣмъ способнѣе получать довольно знатную пенсію, опредѣленную ему отъ двора по увoленіи отъ службы. Чрезъ нѣсколько времени потомъ, моя мать произвела меня на свѣтъ, и при самомъ моемъ рожденіи, я назначена была къ монастырской жизни. Мой отецъ прожилъ нѣкоторую часть своего наслѣдства; и какъ самые болшіе его доходы состояли во благодѣяніяхъ двора, которые должны были окончиться послѣ его смерти, то онъ хотѣлъ

сохранить родному моему брату, который одинъ у меня и былъ, остальное не большое именіе, коимъ онъ могъ разполагать по своей волѣ.

И такъ я была отдана въ монастырь седьми лѣтъ моего возраста, и была тамъ до семнатцати, въ которое время надлежало мнѣ вступить въ искусъ. Маркизъ де Бразакъ приходилъ часто въ монастырь, въ которомъ я была, и гдѣ жила на пансіонѣ родная его сестра, которую онъ любилъ чрезмѣрно. Какъ она была назначена къ состоянію совсѣмъ отличному отъ моего, то и дѣлали ей всѣ удовольствія, какія только желала. Мало проходило дней, чтобы ея родственники не присылали ей не только все, что было надобно для хорошаго стола, но чѣмъ бы еще удовольствовать всю обитель. Чрезъ то пріобрѣла она дружбу всѣхъ монахинь, и была почти самовластная

въ

въ монастырѣ. Сверьхъ того наблюдаемое въ ономъ правило не очень было строго. Множество людей бывало у рѣшетки, и приходили туда, когда хотѣли. Сей монастырь служилъ убѣжищемъ многимъ благороднымъ дѣвицамъ, которыхъ недостатокъ имѣнія болѣе, нежели желаніе вести монастырскую жизнь, принуждалъ жить въ ономъ въ смиреніи, пристойномъ ихъ состоянію. Мой отецъ любя меня, и назначивъ противъ своей воли въ монахини, избралъ сей монастырь, преимущественно предъ другими для того, чтобы сдѣлать мнѣ мое невольничество не столь жестокимъ.

Дружба, какую имѣла ко мнѣ дѣвица де Бризакъ, принуждала меня ходить съ нею часто къ рѣшеткѣ. Я тамъ видала Маркиза де Бризакъ ея брата, которой приходилъ туда почти всякой

день. Онъ дѣлалъ сестрѣ своей удивительныя угожденія, и я думаю, что первая причина, которая внушила ему ко мнѣ склонность, была любовь, какую имѣла ко мнѣ сестра его. Онъ оказывалъ мнѣ учтивости при всякомъ случаѣ. Какъ онъ приносилъ всякой день новые подарки сестрѣ своей, она ихъ раздѣляла со мною. Итакъ Маркизъ находилъ чрезъ то способъ заставить меня принять тысячу вещей, которыхъбы я никакъ отъ него взять не согласилась. Наконецъ, любовь его усилилась до такого пункта, что онъ не въ силахъ былъ сокрыть оную. Я чувствовала, что онъ мнѣ самъ былъ не противенъ. И хотя я была увѣрена, что намѣреніе моихъ родителей было постричь меня въ монахини, и понимала все различіе какое, судьба положила между Маркизомъ и мною; со всѣмъ тѣмъ, я не могла изгнать тысячу ласкательныхъ

во-

воображенiй, кои безпрестанно представлялись въ умѣ моемъ.

Я была въ семъ положенiи, какъ Маркизъ открылъ мнѣ въ первой разъ всю силу, какую возъимѣли глаза мои надъ его сердцемъ. Я сдѣлалъ, говорилъ онъ мнѣ, все что могъ, чтобы принудить себя къ молчанiю. Я хотѣлъ сокрыть отъ васъ такую тайну, которая можетъ быть, навлечетъ на меня вашу ненавистъ. Но я не имѣлъ довольно силы принуждать себя долѣе. И какое мученiе вы ни опредѣлите за мою дерзостъ, оно мнѣ будетъ прiятно.

Я имѣла къ Маркизу весьма нѣжныя чувствованiя, и не могла отвѣчать съ гордостiю на его признанiе. Я не опредѣляю вамъ никакого другаго мученiя, отвѣчала я ему, какъ только то, чтобы вы разсмотрѣли состоянiе, въ какомъ я теперь, и въ какое еще вступлю въ скоромъ времени. Естьли

ли вы хотя нѣсколько о томъ подумаете, то легко узнаете, какой отвѣтъ я вамъ сдѣлать должна. Естьли только сіе одно препятствіе, примолвилъ Маркизъ, противится моему щастію; то я умѣю найти средства сдѣлать себя столько щастливымъ, сколько страшуся быть нещастнымъ. Нѣтъ ничего такого, чего бы моя любовь предпринять не могла. И естьли вы на то согласитесь, я приму столь вѣрныя мѣры, чтобы перемѣнить намѣренія вашихъ родственниковъ, что я ни мало не сомнѣваюсь получить желанной успѣхъ. Не вашихъ и не моихъ родныхъ я опасаюсь. Какія препятствія мнѣ ни случатся, я ласкаюсь преодолѣть оныя. Единая ваша нечувствительность заставляетъ меня трепетать; и вашъ только отвѣтъ долженъ опредѣлить спокойствіе всей моей жизни.

Хотя я почитала не возможными всѣ представленія Маркизовы;

вы: но я не могла овладѣть столько собою, чтобы не тронуться его словами. Прелестное очарованіе влекло меня противъ моей воли. И я трепетала, опасаясь отвѣтствовать ему такими словами, кои бы могли его раздражить и принудили перемѣнить намѣреніе. Съ другой стороны, я не хотѣла открыть ему все, что происходило въ моемъ сердцѣ. Робость и стыдъ меня удерживали. Наконецъ любовь одержала верьхъ; и хотя я силилась умѣрять всѣ слова мои, но Маркизъ понялъ изъ моего отвѣта, что мои желанія въ тайнѣ ускоряли успѣхъ его предпріятія.

Съ того дня, онъ говорилъ со мною откровенно о своей страсти, и мало помалу пріучилъ меня не только себя слушать, но и отвѣтствовать; и мнѣ не возможно было, любя его дѣйствительно, сокрыть отъ него мое сердце. Я ему въ томъ призналась. Горячность его сдѣ-

сдѣлалась живѣе, и онъ помышлялъ исполнить свое намѣреніе.

Дѣвица де Бризакъ была повѣренная и моя и ея брата. Посредствомъ ея, я имѣла всякой день случай его видѣть и съ нимъ разговаривать. Онъ давалъ мнѣ отчетъ, какія бралъ мѣры для совершенія своихъ намѣреній. Но я предвидѣла столько препятствій въ ихъ исполненіи, что часто теряла всю надежду. Тогда предавалась я горчайшей печали, и утопала во слезахъ. Смерть моей матери, которая въ самое то время случилась, усугубила мои горести. Дѣвица де Бризакъ старалась меня утѣшать, и употребляла все то, чѣмъ только думала уменьшить печаль мою. Увы! говорила я ей, вашъ братъ пришелъ похитить мое спокойствіе, и минута, въ которую я его увидѣла въ первой разъ, будетъ можетъ быть бѣдственнѣйшая въ моей жизни. Безъ него дни мои текли

бы въ покоѣ. И мое убѣжище становится мнѣ несноснымъ, естьли мнѣ должно, что уже и видно, отказаться отъ щастія, какимъ я льстилась; то отчаяніе, что его лишуся, сдѣлаетъ меня нещастнѣйшею дѣвицею въ свѣтѣ.

Когда я была въ сей жестокой неизвѣстности, страхъ мой былъ еще удвоенъ. Отецъ мой возвѣстилъ мнѣ, что достигнувши семнатцатилѣтняго возраста, я должна изготовиться вступить въ искусъ. Сіе повелѣніе было мнѣ громовымъ ударомъ. Я чаяла пасть подъ бременемъ моей печали, и мой отецъ легко могъ видѣть, сколь мало я имѣла желанія къ состоянію, въ которое вступала. Онъ взиралъ, какъ на необходимость, чтобы я постриглась, а особливо послѣ смерти моей матери. Итакъ, сколько ни былъ огорченъ, назначая меня къ состоянію, какое я принимала на себя противъ моей воли, однако не отмѣнилъ своего намѣренія.

Я

Я увѣдомила Маркиза о новомъ для насъ огорченіи. Я не могла сокрыть отъ него моихъ слезъ и моего отчаянія. Успокойтесь, говорилъ онъ мнѣ, вы напрасно тревожитесь. Я имѣю два средства къ разогнанію угрожающаго насъ нещастья. Естьли не удастся первое, то другое поможетъ вѣрно, естьли только вы на то склонитесь. Я открою вашему отцу мои чувствованія. Я надѣюсь, что онъ войдетъ въ мои обстоятельства, и согласится на мои предложенія, чтобы сдѣлать обоихъ насъ щастливыми. Не возможно только, сколько бы я ни употребилъ къ тому старанія, согласить моихъ родныхъ, чтобы они склонились на наше соединеніе. Мой отецъ, которой думаетъ женить меня на дѣвицѣ, коей имѣнія равняются съ тѣми, какія онъ мнѣ долженъ оставить, отвергнулъ всѣ предложенія, какія я ему сдѣлалъ чрезъ вѣрнѣйшихъ его пріятелей.

Но

Но можно обойтись и безъ его на то согласія. Онъ весьма старъ, и не можетъ еще прожить долго. Естьли ваши родныя на то согласятся, мы обвѣнчаемся тайно, и утаимъ нашу свадьбу до самой его смерти. Я предвижу затрудненія, какія найдутъ ваши родственники во исполненіи сего предложенія, Но горячность, какую они къ вамъ имѣютъ; не удовольствіе, какое они чувствуютъ, принуждая васъ постричься; случай, какой предстоитъ имъ, сделать вамъ выгодное замужство, безъ малѣйшаго для нихъ убытка; все сіе заставляетъ меня надѣяться, что я успѣю въ моихъ намѣреніяхъ. Естьли между тѣмъ я того не получу; то есть еще извѣстное средство окончить всѣ ваши смятѣнія. Согласитесь послѣдовать за мною въ чужую землю. Когда мои и ваши родственники увидятъ, что нѣтъ уже болѣе способа воспрепятствовать намъ въ нашемъ

союзѣ; то сами должны будутъ на то склониться, Я найду всѣ возможности, какія будутъ надобны, чтобы похитить васъ изъ монастыря, и вы не должны опасаться поношенія за такой побѣгъ, которой доставляетъ вамъ супруга, васъ обожающаго.

Я не могу согласиться, отвѣчала я Маркизу на послѣднее ваше намѣреніе: и естьли не удастся перьвое, моя единая помощъ будетъ въ моемъ отчаяніи. Я умру отъ горести, что не буду твоею; но я никакъ не куплю моимъ преступленіемъ удовольствіе никогда съ тобою не разлучаться. Употребите свои старанія, постарайтесь предупредить грозящія намъ нещастія, и не пощадите ничего ко удаленію оныхъ. Итакъ мнѣ должно, повторилъ съ горестнымъ лицемъ Маркизъ, отказаться отъ сладкаго удовольствія обладать вами, естьли найду вашихъ родственниковъ не

непоколѣбимыхъ, и буде они остановятся на пустомъ сомнѣніи. Вся любовь, какую я къ вамъ имѣю, и та, какую вы ко мнѣ столько разъ оказывали, не можетъ убѣдить васъ, преодолѣть тщетной страхъ, который насъ погубляетъ обоихъ? Скончайте, отвѣчала я ему, излишнія жалобы. Ничто не принудитъ меня перемѣнить мое намѣреніе. Я васъ люблю сто разъ болѣе самой себя; но я чувствую, что я люблю еще болѣе мою должность. Итакъ не надѣйтесь ни мало заставить меня сдѣлать такой поступокъ, который ей столько противенъ. Можетъ быть, не будемъ мы доведены до такой крайности. Я чрезмѣрно полагаюсь на любовь отца моего. Я согласна, естьли надобно, присовокупить къ вашимъ прозьбамъ мои собственныя. Я побѣжду робость и стыдъ, которыя меня удерживаютъ. Я заставлю говорить за меня мои слезы. Я по-

стараюсь подвигнуть его моею горестію, въ которой откроюсь ему чистосердечно. Но естьли послѣ сего мы ничего не получимъ; то потеряйте надежду склонить меня нарушить мою должность. Я умру отъ горести, не обладая вами; но я умерла бы отъ стыда, естьли бы согласилась на похищеніе, какое вы мнѣ предлагаете.

Маркизъ де Бризакъ видя мою непоколѣбимость, не принуждалъ меня болѣе. Онъ помышлялъ получить успѣхъ у моихъ родственниковъ. Онъ упросилъ переговорить съ ними о томъ ихъ лучшихъ пріятелей. Сперва они отвергли такія предложенія, которыя казались навлекутъ за собою столько затрудненій. Но потомъ начинали разсматривать оныя съ лучшимъ вниманіемъ. Они думали видѣть въ оныхъ нѣкоторую для мени пользу. Тогда-то Маркизъ де Бризакъ явился имъ самъ. Онъ говорилъ столь разумно съ мо-

моимъ отцомъ; онъ оказалъ ко мнѣ столько горячности, онъ умѣлъ столько ого поколѣбать, и напослѣдокъ къ тому его склонилъ, что онъ позволилъ ему жениться на мнѣ тайно, и утаить нашу свадьбу до смерти его родителей.

Судите, какова была моя радость, когда Маркизъ пришелъ увѣдомить меня о сей новости! Какъ онъ ничего не скрывалъ отъ своей сестры, то сдѣлалъ ее въ томъ своею повѣренною. Она его столь чрезмѣрно любила, что одобрила такую вещь, которая причиняла ему много удовольствія. Она всегда ненарушимо хранила сію тайну. И хотя спустя нѣсколько времени послѣ того, какъ братъ ея сдѣлалъ ей свою довѣренность, она вышла за мужъ, совсѣмъ тѣмъ никогда не говорила о томъ своему мужу.

Мой отецъ согласясь на предложеніе моего любовника, взялъ

 ме-

меня изъ монастыря. Я жаловалась, что чувствую великую боль въ груди, чтобы подъ тѣмъ видомъ сокрыть причину моего отсутствія, и я увѣрила монахинь, что сколь скоро выздоровею, возвращусь къ нимъ обратно. Напослѣдокъ все было учреждено столь разумно, что никто не имѣлъ ни малаго подозрѣнія о нашемъ приключеніи. Я вышла за Маркиза чрезъ три дни послѣ того, какъ меня взяли изъ монастыря. Священникъ нашего дома совершалъ брачную церемонію.

Нашъ бракъ ни мало не уменьшилъ страсти моего любовника, напротивъ того, онъ казался придавать новыя ей силы. Принужденіе, въ какомъ мы были, и необходимость скрывать любовь нашу, простирали во всѣхъ нашихъ поступкахъ тотъ видъ хитрости и таинства, которой непрестанно воспламеняетъ жаръ любовниковъ. Маркизъ приходилъ про-

водить часть дня въ домъ къ отцу моему. Въономъ только онъ могъ со мною видѣться. Онъ убѣгалъ всѣхъ собраній, гдѣ я бывала. Онъ разговаривалъ со мною весьма равнодушно, когда встрѣчался на гуляньяхъ или въ какомъ другомъ мѣстѣ. Онъ прикрывалъ частыя посѣщенія отцу моему видомъ дружбы, которую имѣлъ съ моимъ братомъ: и чтобы лучше разогнать всѣ подозрѣнія, какія о томъ имѣть могли, мой отецъ объявилъ всѣмъ, что перемѣнилъ свое намѣреніе, что никакъ не позволитъ мнѣ быть монахиней, и хочетъ меня выдать за-мужъ. Почему и принималъ разныя предложенія отъ многихъ молодыхъ людей; но всегда находилъ предлогъ не давать на то своего согласія.

Я провела цѣлой годъ въ щастливой тишинѣ, которую никакая горесть не возмущала. Но какъ Францція объявила войну; то всѣ

Полковники получили повелѣніе явиться къ своимъ полкамъ. Маркизъ немедленно отправился во Фландрію; и едва имѣлъ довольно времени изготовить половину своего екипажа. Будучи приневолена съ нимъ растаться, я возчувствовала чрезмѣрную печаль. Я была три мѣсяца беременна, и страхъ повредить мое здоровье и носимаго во утробѣ младенца принудилъ меня преодолѣвать себя сколько возможно. Я старалась утѣшаться надеждою видѣть повышеніе въ службѣ моего мужа, чрезъ которое онъ достигнетъ знатныхъ чиновъ. Прощаясь со мною, онъ говорилъ мнѣ все то, чѣмъ только думалъ меня ободрить. Я просила его, чтобы вдавался въ опасность не болѣе, какъ потребуютъ его честь и должность. Не опасайтесь, отвѣчалъ онъ мнѣ, чтобы я безполезно жертвовалъ жизнію, которую я вамъ отдалъ, и въ которой вы одни властны. Оставь-

те ваши страхи: любовь, которая насъ соединила, она же сохранитъ меня и отъ опасности.

Сколь скоро Маркизъ поѣхалъ въ армію, Парижъ сдѣлался мнѣ несносенъ. Я просила моего отца, чтобы проводить намъ все лѣто въ деревнѣ. Онъ на то согласился. И чтобы болѣе быть въ состояніи вспомоществовать моему мужу, мы отправились въ Пикардію, въ одинъ загородной домъ, которой я купила послѣ своей свадьбы, на имя отца моего, получа на то деньги отъ Маркиза. Во все время похода, я пребывала съ смертельныхъ безпокойствіяхъ. Наконецъ, наступилъ Ноябрь мѣсецъ, войски вступили на квартеры, и Маркизъ пріѣхалъ къ намъ въ Пикардію. Онъ пробылъ съ нами не долго, будучи обязанъ ѣхать въ Парижъ, въ разсужденіи своего отца. Мнѣ не возможно было слѣдовать за нимъ, по причинѣ моей беременности, которую со-

 крыть

крыть мнѣ было бы трудно. Я уже предупредила всѣ случаи, могущія случиться. Братъ мой говорилъ съ однимъ вѣрнымъ человѣкомъ, чтобы сыскать кормилицу не подалеку отъ Парижа, не сказывая какой младенецъ ей порученъ будетъ. Ему сказали про жену вашего откупщика, и братъ мой говорилъ о томъ ея мужу. Онъ обѣщалъ ему болѣе, нежели могъ надѣяться, чтобъ только со всевозможнымъ попеченіемъ воскормилъ младенца, котораго ему поручатъ, и называлъ его своимъ до того времени, когда спросятъ его обратно. Онъ охотно согласился на все, что отъ него требовали, ласкаясь возпользоваться обѣщанною за то корыстью; и когда я родила Маріанну, братъ мой самъ ее къ нему отдалъ. Взяли кормилицу изъ Пикардіи, которая и кормила ее грудью до того времени, какъ она привезена была сюда, и которая возвратилась по-

томъ въ свою провинцію, не знавъ ни мало чье было дитя, котораго она кормила въ продолженіи сего пути.

Я писала къ моему мужу о щастливомъ окончаніи сего дѣла, и выздоровевъ послѣ родовъ, пріѣхала къ нему въ Парижъ. Первые два мѣсяца, которые я провела въ семъ городѣ, были для меня столь же щастливы, какъ и тѣ, которыя притекли въ первой годъ моего замужства.

Щастіе мое было столь совершенно, что продолжалось бы навсегда, естьлибъ мой отецъ не занемогъ; и какъ безпокойствія, какія онъ понесъ въ службѣ, много истощили его здоровье; то онъ былъ тотчасъ при послѣднемъ издыханіи. Сколько ни старались подать ему всю возможную помощь, онъ подвергался общему закону, и въ двенатцатой день своей болѣзни скончался. Маркизъ никогда не отходилъ отъ его постели. Онъ столько чувствовалъ

его утрату, какъ бы былъ собственной его сынъ, Какъ ни старался преодолѣвать себя, чтобъ не умножить моей горести; но не могъ отъ слезъ удержаться. Мой отецъ былъ чувствительно тронутъ сими знаками Маркизовой къ нему горячности. Я вижу, говорилъ онъ за нѣсколько минутъ до своей кончины, что мои дни достигли своего конца. Но я умираю безъ всякаго соболѣзнованія: ибо я могъ доставить моей дочерѣ супруга, столь исполненнаго чистосердечія и человѣчества какъ вы. Я вамъ ее вручаю. Вы у нее одни остались. Я прошу васъ не лишить вашей дружбы ея брата. Я увѣренъ, что онъ будетъ старатьея опую заслуживать. Маркизъ обѣщалъ моему отцу, что будетъ имѣть всевозможное попеченіе о его дѣтяхъ, и почтетъ для себя занаидражайшее все то, что до нихъ касаться будетъ. Онъ дѣйствительно сдержалъ свое слово: ибо

по

по смерти отца моего онъ старался о повышенiи моего брата, какъ о своемъ собственномъ.

Претерпѣнной мною уронъ навлекъ за собою новое нещастiе: какъ меня всѣ почитали дѣвицею, то уже не прилично было, неимѣя болѣе ни отца ни матери, мнѣ жить одной въ моемъ домѣ. Братъ мой служилъ Капитаномъ въ конныхъ полкахъ, и слѣдовательно обязанъ былъ находиться три четверти года при своемъ полку. Итакъ я вознамѣрилась жить въ монастырѣ, откуда я иногда выѣзжала подъ видомъ свиданiя съ моимъ братомъ. Сiя неволя, въ какой я должна была жить, приводила Маркиза въ отчаянiе. Онъ бы еще былъ болѣе достоинъ жалости, естьли бы его сестра, которая всегда горячо его любила, и которая вышла за-мужъ, не подавала мнѣ часто случаю видѣться

ся съ нимъ въ ея домѣ. Она привозила его въ монастырь, когда меня навѣщала, и мы старались возпользоваться всѣмъ тѣмъ, что могло подать намъ случай говорить другъ съ другомъ.

Въ страданіи, въ какомъ я находилась, я имѣла утѣшеніе знать, что моя дочь здорова. Я имѣла бы несказанное удовольствіе ее видѣть. Но я не смѣла ни кому ввѣрить сей тайны, и опасаясь, что естьли поѣду къ поселянкѣ, которая ее кормила или когда велю привесть ее къ себѣ, подамъ нѣкоторое подозрѣніе о томъ, что должна была всегда скрывать съ толикимъ стараніемъ.

Наступилъ мѣсяцъ Апрѣль, Маркизъ и мой братъ поѣхали къ арміи. Я простилась съ ними у Графини де Дурзетъ, сестры моего мужа, не безъ пролитія многихъ слезъ. Тайное предчувствованіе казалось предвозвѣщать мнѣ нещастія, коимъ со мною случиться

ся

ся надлежало. Маркизъ старался меня ободрять. Вы видите, говорилъ онъ мнѣ, что со мною не случилось ничего и въ прошедшій походъ. Сіе должно васъ успокоить и подать вамъ надежду, что я окончу и нынѣшней столь же благополучно. Я уступаю, отвѣчала я ему, сколько могу вашимъ доказательствамъ: но противъ моей воли, я чувствую болѣе смущанія, нежели въ перьвой разъ, когда я съ вами расталась. Увы! я имѣла справедливую причину страшиться угрожающаго мнѣ удара! чрезъ двѣ недѣли, какъ армія выступила въ походъ, я получила извѣстіе, что мой мужъ былъ опасно раненъ. Судите, каково было мое состояніе, когда я узнала о семъ ужасномъ приключеніи! Я чаяла пасть подъ бременемъ моей печали. Я притворилась, что чувствую несносную боль въ головѣ, дабы сокрыть отъ монахинь горесть, въ какую была погружена.

Не

Не имѣя силъ быть въ безъизвѣстности о участи моего мужа, и усмотрѣвъ изъ того же письма, въ которомъ писали о его ранѣ, что онъ препровожденъ въ Лилли, я вознамѣрилась ѣхать его искать и самой имѣть попеченіе въ его болѣзни. Я открыла свое намѣреніе его сестрѣ, которая употребивъ все, что только могла, ко удержанію меня въ Парижѣ, согласилась наконецъ на мое предпріятіе. Я вышла изъ монастыря подъ видомъ, что поѣду на нѣсколько дней въ одну ея деревню; куда пріѣхавши, я переодѣлась въ муское платье и отправилась въ Лилли.

Прибывъ въ сей городъ, я пошла тотчасъ на квартеру къ моему мужу. Я сказала его людямъ, что я слуга Графини де Дурзетъ, котораго она прислала изъ Парижа, чтобы навѣдаться о состояніи ея брата. Мой мужъ, которой начиналъ нѣсколько обмогаться, велѣлъ

ме-

меня ввести въ свою комнату. Я подошла къ его постелѣ, чтобы вручить ему письмо его сестры. Не смотря на мое притворство, онъ меня узналъ въ тужъ минуту; и при первомъ движенiи хотѣлъ открыть то, что мы имѣли столько необходимости скрывать ото всѣхъ. Онъ измѣнился въ лицѣ, и почувствовалъ слабость, причиненную ему отъ удивленiя. Послѣ чего пришедъ въ себя, онъ выслалъ вонъ своего камердинера, чтобы говорить со мною на свободѣ. Какъ скоро я съ нимъ одна осталась, я обняла его наистрастнѣйшимъ образомъ. Васъ ли я вижу, сударыня, говорилъ онъ мнѣ! какой опасности подвергаете вы насъ обѣихъ? Я не могла, отвѣчала я ему, остаться долѣе въ безизвѣстности, въ какой я была. Я умерла бы съ горести, естьли бы не прiѣхала сама употребить всѣ мои старанiя, какiя вамъ будутъ надобны во время вашей болѣзни.

Сколь ни отваженъ казался мой поступокъ, но онъ весьма былъ страстенъ, чтобы не почувствовалъ его мой супругъ. Онъ меня совершенно успокоилъ, и расказалъ мнѣ, что хотя рана его и казалась весьма опасна, по множеству изтекшей изъ него крови; однако чрезъ четыре или пять дней, лѣкари его увѣряли, что онъ скоро излѣчится. Въ самомъ дѣлѣ, какъ я прiѣхала, уже не было опасности въ его жизни. Я находилась всегда при немъ въ мускомъ платьи, почитаясь повѣреннымъ слугою Графини де Дурзетъ, до совершеннаго его выздоровленiя. Онъ приказалъ перенести мою постелю въ его комнату. Я тамъ спала подъ видомъ исполненiя воли сестры его, и чтобы тѣмъ способнѣе имѣть о немъ попеченiе.

Я столько умѣла сохранить всю вѣроятность, какой требовало мое притворное состоянiе, что ни одинъ слуга моего мужа не имѣлъ

обо мнѣ ни малаго подозрѣнія. Когда онъ выздоровелъ, лѣкари велѣли ему ѣхать къ Бурбонскимъ водамъ, чтобы совершенно возстановить его здоровье, и предохранить себя отъ всѣхъ припадковъ, могущихъ отродиться въ послѣдствіи. Я сотовариществовала ему до Парижа, гдѣ надѣвъ на себя обыкновенное мое платье, я отправилась къ Графинѣ де Дурзетъ, которая была увѣдомлена о моемъ пріѣздѣ, и ожидала меня въ томъ же сельскомъ домѣ, гдѣ я ее оставила. Мы прожили тамъ съ нею все то время, въ которое братъ ея былъ на водахъ Бурбонскихъ, и не прежде возвратились въ Парижъ, какъ онъ туда прибылъ. Тогда я возвратилась въ монастырь и воспріяла прежнюю мою жизнь.

Мой мужъ часто жаловался на принужденіе, въ какомъ мы должны были съ нимъ жить. Хотя оное и мнѣ не менѣе было тягостно; однако я скрывала мои мнѣ-

нія, и старалась его утѣшать. Наше состояніе, говорила я ему, не столь нещастно: потому что мы льстимъ себя надеждою скорой перемѣны. Сверьхъ того страданіе, въ какомъ мы теперь, не совсѣмъ несносно. Мы другъ друга видимъ, мы можемъ говорить о взаимной любви нашей. Безпорно, что права̀ супружества долженствовали освободить насъ отъ всѣхъ предосторожностей, какія мы теперь наблюдать принуждены, чтобы никто не догадался о нашей страсти. Но чтобы сдѣлать сіе терпѣніе пріятнѣйшимъ, помыслимъ о мученіяхъ, какія бы мы испытали, естьли бы мой отецъ остался не поколѣбимымъ, и никакъ не согласился бы войти въ наши желанія?

Слова̀ мои утѣшили Маркиза, и заставили его терпѣливо сносить свое нещастіе. До того времени я не примѣтила ни малѣйшей невѣрности съ его стороны, хотя онъ жилъ въ открытомъ свѣтѣ,

тѣ, и его лѣта легко способныя къ стремленію страстей, могли его заставить, погрѣшить нѣсколько противъ брачнаго закона. Онъ былъ очень скроменъ. Я превозносила похвалами его постоянство, и почитая его безопаснымъ противо худыхъ примѣровъ, какія подавали ему всегда его товарищи, и большая часть его пріятелей, ни мало не ожидала приключенія, случившагося съ нимъ, три мѣсяца спустя послѣ его возвращенія съ водъ Бурбонскихъ.

Офицеры возвратились изъ арміи, и зима привела великое множество изъ нихъ въ Парижъ. Графъ де Утребилъ, полковникъ отъ ковалеріи, племянникъ статскаго военнаго Секретаря былъ обязанъ тѣсною дружбою съ моимъ мужемъ. Онъ имѣлъ на содержаніи одну дѣвку, которая стоила ему великихъ разходовъ. Онъ давалъ всякой вечеръ у нее въ домѣ ужинъ многимъ изъ своихъ пріятелей. Маркизъ былъ

всегда въ числѣ ихъ. Я знала, что онъ имъ сотовариществовалъ но не думала имѣть причины его отъ нихъ отводить. Я щитала, что живучи въ свѣтѣ между множествомъ молодыхъ людей, ему надлежало имѣть одинакія съ ними поступки, и что излишняя скромность сдѣлалабъ его конечно смѣшнымъ; и такъ не старалась никогда отвлекать его отъ такихъ вечеринокъ, и конечнобъ его огорчила, естьли бы о томъ говорить ему вздумала: ибо онъ свелъ короткое знакомство съ любовницею его друга. Онъ употребилъ во зло его довѣренность. Ла Бенарда, такъ называлась сія дѣвка, будучи не застѣнчивѣе другихъ женщинъ ея рода, думала, что безъ угрызенія совѣсти, и не нарушая правилъ своего ремесла, можетъ по прежнему принимать Графа де Утревиля по своей корысти, и въ то же время любить Маркиза по своей склонности;

ко-

которой съ своей стороны не осмѣливаясь по обязательству со мною, объявить себя именитымъ любовникомъ твари сего класса, былъ весьма доволенъ, что Графъ оказывалъ себя въ обществѣ ея содержателемъ, въ такое время, когда самъ онъ былъ любимцомъ и другомъ ея сердца.

Сія оборотливость хранилась до половины зимы, и конечно бы продолжилась до выступленія арміи въ походъ, естьли бы одно не предвидѣнное приключеніе не открыло обману ла Бенарды, и не разрушило щастія и повышенія въ службѣ моего мужа, чрезъ оглашеніе, какое сдѣлали о себѣ сіи два любители. Въ одинъ день сія дѣвка писала къ Маркизу, и отвѣчала на полученное отъ него письмо, которое было въ сихъ самыхъ словахъ:

ПИСЬМО.

Вчерась я дожидался на улицѣ до трехъ часовъ заполночь; и хо-

тя множество разъ харкалъ, кашлялъ, плевалъ, сморкалъ, но никто ко мнѣ не вышелъ, и ваши двери не отворились. Я не сомнѣвался, что содержатель вашъ награждалъ себя съ лихвою, за данной намъ у васъ ужинъ. Но надежда, что онъ скоро отъ васъ выйдетъ, и я могу заступить его мѣсто, заставила меня ходить дозоромъ большую часть ночи. Я вамъ признаюсь въ моихъ подозрѣнiяхъ. *Я опасаюсь очень*, что вы на щетъ де Утревиля, менѣе не чувствительны, нежели вы сказываете. И могъ ли бы онъ остаться столько времени, одинъ на одинъ съ вами, ежели бы вы не воспламеняли его горячность живыми и прельщающими ласканiями, которыя вы ко мнѣ одному имѣть обѣщались? Сiе воображенiе приводитъ меня въ отчаянiе и раздираетъ мое сердце. Ободрите меня вашимъ отвѣтомъ. Кленитесь мнѣ, что принужденiе и необходимость бы-

были единственною причиною всѣхъ угожденій, какія вы изтощили на моего совмѣстника. Вотъ единое средство, успокоить раздраженную страсть мою! Я опасаюсь, что уже не буду вамъ столько милъ, какъ я былъ прежде: нѣсколько уже дней я начинаю замѣчать вашу ко мнѣ холодность. Оправдайтесь во всѣхъ сихъ преступленіяхъ, или я заключу, что де Утревилево золото одержало верьхъ надо мною, и возъимѣло преимущество надъ моею любовію.

Но вотъ, продолжала Маркиза де Бризакъ и отвѣтъ, какой хотѣла писать ла Бенарда:

ПИСЬМО.

Естьли бы де Утревиль давалъ мнѣ сто разъ болѣе, нежели теперь, и когда бы предлагалъ мнѣ всѣ сокровища въ свѣтѣ, я любила бы васъ всегда столько, сколько онъ мнѣ противенъ. Вы обвиняете меня непостоянствомъ

въ такое время, когда вамъ должно утѣшать меня въ неволѣ, въ какой я заключена. Не думаете ли вы, что можетъ быть пріятно, любя столь страстно, какъ я безпрестанно притворяться, и принужденно оказывать всю живость восторговъ, какія я къ вамъ однимъ чувствовать могу? Вамъ бы надлежало лучше . . . . . .

Ла Бенарда не успѣла окончить своего отвѣта. Она писала сіи послѣднія слова, какъ де Утревиль вошелъ въ ея *комнату*. Она хотѣла спрятать письмо свое и моего мужа; но Графъ любопытствуя оныя видѣть, отнялъ у нее изъ рукъ. Сколь она ни силилась взять ихъ обратно, но все было тщетно. Замѣшательство, какое она притомъ оказала, умножило не большія подозрѣнія, какія Графъ уже имѣть начиналъ. Онъ отъ нее пошелъ и прочелъ въ самыхъ ясныхъ и доказательныхъ словахъ, какая была роль, которую онъ

иг-

игралъ. Онъ пришелъ обратно къ своей любовницѣ, и предавшись лютѣйшему бѣшенству, разбилъ всѣ зеркалы, переломалъ всѣ домовые приборы, какими ее дарилъ и не пощадилъ ни одной вещи, которую только могъ разрушить. Ла Бенарда разсвирѣпела и подняла ужасной крикъ. Каждая фарфоровая вещь, каждое разбитое стекло придавало ей новыя силы. Наконецъ вышедъ изъ себя, смотря на раззореніе всего, что почитала законнымъ своимъ пріобрѣтеніемъ, она бросилась на Графа и перецарапала ему и лице и руки. Онъ освободился отъ сей фуріи, и окончавъ невозвратное разрушеніе ея приборовъ, пошелъ отъ нее искать Маркиза, намѣреваясь отмстить понесенную по мнѣнію его обиду. Я васъ почиталъ, говорилъ онъ ему, по сіе время моимъ другомъ; но я знаю, что я обманулся. Но что болѣе всего меня удивляетъ, чего я никогда отъ васъ не ожидалъ,

состоитъ въ томъ, что вы употребили противъ меня подлости и обманы, совсѣмъ вамъ не приличныя. Вы говорите со мною, отвѣчалъ Маркизъ, не извѣстнымъ мнѣ языкомъ. Я совсѣмъ не понимаю словъ вашихъ. И о чемъ бы вы ни жаловались, но надобно, чтобъ я былъ столько вашимъ другомъ, сколько я есмь дѣйствительно, чтобы снести терпѣливо обидныя выраженія, какія вы со мною употребляете? Подлинно, повторилъ Графъ, что я могу похвастать вездѣ тою дружбою, какую вы ко мнѣ имѣть хвалитесь, и я имѣю теперь въ рукахъ не оспоримыя тому доказательства. Тогда подалъ онъ ему его письмо, и отвѣтъ ла Бенарды, Маркизъ увидѣвъ, что уже все открылось, непреминулъ взять своихъ предосторожностей. Я знаю, говорилъ онъ, что вы обижены. Я могъ бы къ моему оправданію представить вамъ силу любви; но я готовъ сдѣ-

сдѣлать вамъ такое удовольствіе, какое вы пожелаете. Мы сего дни же окончимъ нашу ссору, повторилъ Графъ. Я буду васъ дожидаться въ Бургъ-ла-день, гдѣ мы конечно найдемъ удобное мѣсто для нашей битвы.

Маркизъ пришелъ въ назначенное мѣсто, почти въ одно время съ своимъ соперникомъ. Онъ былъ гораздо щастливѣе, нежели заслуживало его поведеніе. Онъ опасно ранилъ де Утревила, и отъ удара, которой ему далъ въ животъ, сдѣлалъ его въ состояніи продолжать сраженіе. Ослабѣвши отъ изтекшей крови, Графъ упалъ на землю. Мужъ мой его поднялъ, и довелъ до кареты, которая не подалеку отъ того мѣста его дожидалась.

Сколько ни употребили предосторожностей сіи два совмѣстника, чтобы никто не зналъ про ихъ ссору, совсѣмъ тѣмъ, она дошла до свѣденія военнаго Министра,

дя.

дяди де Утремилю, коего жизнь была въ опасности. Я сама узнала по слуху о томъ, что старался сокрыть отъ меня мужъ мой. Чрезъ два дни послѣ того, я примѣтила, что онъ сталъ гораздо задумчивѣе. Я не знала чему приписать печаль его. Тщетно спрашивала у него тому причины. Онъ всегда таилъ отъ меня свой поединокъ. Но когда я о томъ узнала, и обливаясь слезами, укоряла его въ невѣрности, онъ казался мнѣ столько тронутъ своею погрѣшностію, и я читала въ сердцѣ его столь искреннее раскаяніе, что не старалась его огорчать болѣе. Я употребила всѣ мои силы его утѣшить. Я забываю, говорила я ему, вашу обиду, и не хочу совсѣмъ о ней помнить. Вы довольно наказаны, а я довольно отомщена, когда признаетесь столько въ вашемъ преступленіи.

Между тѣмъ, рана Графа де Утревиля становилась отчасу опа-

паснѣе. Его родственники, имѣя случай при дворѣ, не допустили правосудію узнать о семъ дѣлѣ. Потому, что погубивъ моего мужа, не возможно было миновать, что бы не присоединить къ его нещастію и его соперника. Вотъ единственная причина, которая ихъ отъ того удержала! Безъ того довели бы они сіе дѣло до крайности. И такъ вознамѣрились отмстить ему тогда, когда получатъ къ тому удобной случай. Въ сей ненависти утвердились они еще болѣе смертію де Утревиля, которой въ девятой день послѣ своей раны умеръ.

Мой мужъ скоро почувствовалъ дѣйствія вредныхъ намѣреній его непріятелей. Онъ получилъ множество неудовольствій съ стороны министровъ, которые непрестанно искали средствъ его огорчать. Онъ понималъ, что безполезно будетъ, естьли поупрямится еще остаться при дворѣ,

и принялъ намѣреніе удалиться въ одну свою деревню, которая была на самой границѣ государства, съ стороны Испаніи, и отвезти меня туда съ собою. Онъ взялъ столь надеждныя мѣры, что чрезъ четырнатцать лѣтъ никто не могъ узнать, что я была съ нимъ вмѣстѣ. Около сего времени отецъ его занемогъ, или отъ старости, или отъ огорченія о нещастливой участи своего сына. *Прошло почти* пятнатцать дней, и никто не зналъ, что заключить о его болѣзни. Наконецъ, не взирая на всѣ о немъ старанія, онъ умеръ, и оставилъ мужа моего свободнымъ поступать по своей волѣ, и обѣявить о нашей свадьбѣ. Мы перемѣнили жилище, и вмѣсто того, чтобы оставаться на краю свѣта, мы избрали нашимъ жилищемъ одинъ загородной домъ въ девяти миляхъ отъ Парижа, въ которомъ мы живемъ щасливо и спокойно почти два

мѣ-

мѣсяца. Наши непріятели, довольствуясь нашимъ удаленіемъ, оставили насъ въ покоѣ; и понеже мы теперь безопасны отъ ихъ гоненія, то я пріѣхала искать мою дочь, и отвезши ее къ отцу, которой хотя не видалъ ее отъ самаго младенчества, но тѣмъ не менѣе любитъ. У насъ нѣтъ болѣе дѣтей, какъ только одна она, и всѣ наши попеченія будутъ стремиться къ составленію ея щастія.

Графъ Момжанъ не могъ не закраснѣться при сихъ послѣднихъ словахъ. Ему казалось, что онъ слышитъ въ нихъ нѣкоторое предсказаніе, что должно отказаться отъ Маріанны, которая сыскавъ своего отца и мать, сдѣлалась невольницею ихъ произволенія. Она и сама была не спокойнѣе своего любовника, и во внутренности своего сердца желала, чтобы Графъ скорѣе изъяснился

снился, и совершилъ бы такой союзъ, которой снисканіе ея родителей, не могло бы уже опровергнуть.

Маркиза де Бризакъ, не имѣя ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, что произходило въ сердцѣ у Графа, просила его неотступно, чтобы ѣхалъ съ ними взять участіе въ общей ихъ радости. Мы живемъ отъ васъ не далѣе пяти миль, говорила она ему, и намъ будетъ непростительно, что имѣя сосѣда, которому мой мужъ и я столько обязаны, не будемъ стараться искать его дружбы, которая намъ безконечно будетъ пріятна.

Графъ Момжанъ чувствовалъ совершенную радость о такомъ приглашеніи, и не допустивъ просить себя болѣе, съ удовольствіемъ оное принялъ, и на другой день по утру, поѣхалъ вмѣстѣ съ Маркизою и ея дочерью. Господинъ де Бризакъ желая не терпѣливо

ливо ихъ увидѣть, выѣхалъ на встрѣчу къ нимъ за полмили отъ своего замка. Когда онъ обнималъ Маріанну, то супруга его представила ему Графа Момжана. Вотъ, говорила она ему, помѣщикъ той маетности, въ которой возросла Маріанна. Она жила у его откупщина. Мы ему безконечно обязаны. Изъ одного сожалѣнія и человѣчества, онъ всегда былъ болѣе отецъ, нежели Господинъ Маріаннинъ.

Маркизъ де Бризакъ благодарилъ чувствительнѣйшимъ образомъ Графа Момжана, и по окончаніи нѣкоторыхъ взаимныхъ учтивостей все собраніе пошло въ замокъ. Въ перьвые дни по возвращеніи Маріанны, ея отецъ не могъ надивиться, сколь мало ея поступки и правило ея мнѣній соотвѣтствовали полученному ею воспитанію. Онъ взиралъ съ радостію, смѣшенною со удивленіемъ, что она казалась быть возвращена

въ лучшемъ свѣтѣ, хотя и пришла въ оной не болѣе пяти или шести дней. Графъ Момжанъ напротивъ того былъ и менѣе спокоенъ и менѣе доволенъ. Какая моя участь, говорилъ онъ! и что я сдѣлалъ, что мое щастіе заставляетъ меня чувствовать всѣ свои жестокости? Я влюбился въ дѣвицу, которую почиталъ простою поселянкою. Я чувствую тысячу мученій, преодолѣвая страсть мою. Но тщетно о томъ стараюсь. Очарованіе сильнѣйшее всѣхъ моихъ размышленій влечетъ меня противъ моей воли. Я долженъ сдѣлать признаніе трудное и оскорбительное въ высочайшей степени; и когда оное сдѣлаю, когда думаю получить возмездіе за претерпѣнныя мною мученія, то я зрю, что всѣ мои намѣренія, превращаются въ прахъ въ единую минуту. Я познаю, что сія поселянка есть дѣвица, рожденная отъ благородной крови, и наслѣдница богатому

му дому. Я теряю въ едино мгновеніе ока все, чѣмъ обладать льстился, и едва остается мнѣ къ тому слабѣйшая надежда.

Въ то время, какъ Графъ Момбылъ отягченъ сими печальнѣйшими размышленіями, щастіе утомившись его гоненіемъ, привело Маріанну по слѣдамъ его. Съ того дня, какъ она нашла своихъ родителей, онъ не имѣлъ ни одной свободной минуты говорить съ нею безъ свидѣтелей. Онъ воспользовался симъ желаннымъ случаемъ, и подошедъ къ ней, когда она выходила изъ залы, чтобы войти въ комнату къ своему родителю; не уже ли вы, говорилъ онъ ей, убѣгаете меня, прекрасная Маріанна! или я вамъ сдѣлался чрезъ такое короткое время ненавистенъ? Развѣ вы запамятовали, что я любилъ въ васъ не богатство и не природу; и что единая любовь убѣдила меня жертвовать вамъ всѣмъ щастіемъ,

 ка-

какимъ меня судьба надѣлила? Я не прошу, чтобы вы нарушили послушаніе, какимъ должны вашимъ родителямъ. Естьли они осудятъ страсть мою, я готовъ, чего бы мнѣ то ни стоило, убѣгать навсегда тѣхъ мѣстъ, въ коихъ вы обитать будете. Но по крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ ласкаться, что ежели вы будете слѣдовать единой вашей склонности; то я найду въ дѣвицѣ де Бризакъ, тѣ самыя чувствованія, какія я видѣть чаялъ въ *Маріаннѣ*?

Естьли бы ко взаимному нашему щастію, отвѣчала ему Маріанна, не доставало намъ только продолженія сихъ чувствованій, намъ бы ничего болѣе желать не осталось. И я васъ увѣряю, что состояніе, въ какомъ я теперь, не дѣлая ни малѣйшей въ намѣреніяхъ моихъ перемѣны, казалось бы мнѣ менѣе радостнымъ, нежели я оное нахожу, когда бы не

до-

довело меня до пріятной необходимости питать въ молчаніи такой пламень, которой не можетъ иначе открыться, какъ съ согласія на то отца и матери, отъ коихъ я теперь непосредственно завишу. Но между тѣмъ, какое принужденіе моя должность на меня ни налагаетъ, я думаю, что могу, не нарушая ни мало строгихъ ея законовъ, сказать вамъ, что въ несказанномъ буду удовольствіи, когда мои родители благосклонно примутъ ваши желанія; упросите ихъ о вѣчномъ насъ соединеніи, я съ радостію на то готова!

Сколь ни жестоки будутъ удары, отвѣчалъ Графъ, какими судьба моя меня поразить можетъ, я не могу болѣе на оныя жаловаться; будучи столько щастливъ, что получилъ ваше согласіе на исполненіе моихъ желаній. Найдется ли такая горесть, которую бы воображеніе сего щастія отразить было

не въ силахъ. Такъ, прелестная Маріанна! естьли употребивъ у вашихъ родителей, всѣ мои старанія о полученіи васъ, не буду имѣть въ томъ успѣха, я почту себя гораздо щастливѣе, нежели я то заслуживаю: потому что могъ тронуть такое сердце, каково ваше, и что вы возжелали имѣть меня вашимъ супругомъ! Правда, что я не могу жить лишившись васъ, и я чувствую, что не буду болѣе участвовать въ жизни; но по крайней мѣрѣ, и умирая, понесу со мною во гробъ сладкое удовольствіе, что вы не были ко мнѣ нечувствительны!

Оставьте, повторила Маріанна, столь печальныя воображенія. Щастіе, которое по сіе время казалось участвовать всегда въ нашей страсти, поблагопріятствуетъ намъ конечно до окончанія оной. Оно сдѣлало меня достойною васъ. Оно открыло мнѣ

моихъ родителей въ такое время, когда моя чувствительность казалось противоречить благополучію, какое вы мнѣ предлагали. Я надѣюсь, что оно продолжитъ къ намъ свои щедроты. Поговорите, не отлагая времени, съ моимъ родителемъ. Воспользуйтесь минутою, когда радость о моемъ возвращеніи дѣлаетъ его способнымъ согласиться на наши желанія, и естьли будетъ надобно, присовокупить къ прозьбамъ вашимъ мои собственныя, я не устрашусь, изъ пустой стыдливости, ему признаться, что прежде, нежели я узнала отъ кого я родилась, благодѣянія, приношенія, клятвы, какія вы мнѣ дѣлали, и которыя съ нетерпѣливостію стремились исполнить самымъ дѣломъ, предупредили меня въ вашу пользу.

О небо! вскричалъ Графъ, могу ли я во всю мою жизнь заслужить прежде тѣ милости, какія

кія вы мнѣ оказывали? Судьба, возвратившая вамъ вашихъ родителей, оставила меня не въ состояніи принесть вамъ, развѣ одно чувствительное сердце! Всѣ прочія сокровища, какія нѣкогда могъ ласкаться вамъ доставить, вы имѣете ихъ теперь несравненно въ большомъ количествѣ. Сіи сокровища, повторила Маріанна, о которыхъ вы упоминаете, составили бы для меня столько же и несносныхъ мученій, когда бы пріобрѣла я ихъ отъ другой руки а не отъ вашей.

Во время разговора сихъ двухъ любовниковъ щастіе, поспѣшествующее ихъ блаженству, о которомъ они ни какъ не знали, привели Маркиза де Бризакъ къ дверямъ той залы, въ которой они были, которой увидѣвъ, что дочь его разговаривала съ такою чувствительностію, полюбопытствовалъ узнать содержаніе ея разговоровъ. Какъ

она

она стоила не далеко отъ дверей; то онъ легко могъ все то слышать. Онъ узналъ съ удовольствіемъ, что Графъ Момжанъ, къ которому онъ начиналъ имѣть великое почтеніе, имѣлъ нѣжную склонность къ его дочери. Онъ зналъ собственнымъ опытомъ, сколь жестокая страсть есть любовь! И какое мученіе терпитъ сердце, приневоленное оставить то, что ему любезно! Итакъ онъ вознамѣрился при первомъ къ тому случаѣ подать Графу способъ о томъ изъясниться, и чрезъ нѣсколько дней, онъ допустилъ его испросить прекрасную Маріанну, которую онъ ему вручилъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что чѣмъ болѣе его видѣлъ, и тѣмъ болѣе чувствовалъ къ нему почтенія.

Щастливой бракъ не премѣнилъ ни мало правила жизни Графа Момжана. Препроводя нѣсколько времени у Маркиза, возвратился

ся съ дражайшею своею супругою въ пріятное свое уединеніе, откуда онъ не выѣзжалъ, какъ только для свиданія съ своимъ тестемъ, которой равномѣрно жилъ спокойнѣйшимъ образомъ въ загородномъ своемъ домѣ до самой глубокой страсти.

Конецъ послѣдней части.

